

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. С.А. Соллертинский

О предметном употреблении
священной истории в заграничных,
преимущественно, германских
школах

Опубликовано:

Христианское чтение. 1880. № 5-6. С. 545-603.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

О предметномъ употребленіи священной исторіи въ заграничныхъ, преимущественно германскихъ школахъ ¹⁾).

Подъ предметнымъ употребленіемъ св. исторіи разумѣется преподаваніе ея въ школахъ, какъ въ строгомъ смыслѣ предмета обученія, въ противоположность тѣмъ случаямъ, когда священно-историческими событіями пользуются для назидательныхъ цѣлей, для того напр. чтобы путемъ вывода изъ этихъ событій сообщить дѣтямъ религіозныя или нравственныя понятія.

Имѣя въ виду сообщить свѣдѣнія о предметномъ употребленіи св. исторіи въ заграничныхъ школахъ, мы должны начать съ той ея формы, которая возникла ранѣе теперешней, затѣмъ была надолго забыта, но въ недавнее время стала выплывать снова въ новомъ конечно видѣ. Прежде появленія въ заграничныхъ школахъ съ теперешней своей опредѣленной физиономіей, св. исторія долгое время существовала тамъ въ зачаточной такъ сказать формѣ и подъ чужимъ именемъ. Было время, когда многія гражданскія хроники, даже хроники не цѣлой какой либо страны, а одного лишь города—въ своемъ началѣ рассказывали св. исторію В. и Н. завѣтовъ; въ свое время и въ школахъ священно-историческій матеріалъ преподавался въ общей исторіи или въ исторіи гражданской. Это и есть ранняя форма предметнаго употребленія св. исторіи. Имѣя свой корень въ среднихъ вѣкахъ, она

---

¹⁾ Въ изложеніи этой статьи, при напечатаніи ея, редація призвала необходимымъ сдѣлать по мѣстамъ сокращенія и значительныя измѣненія противъ рукописнаго подлинника.—Прим. редакціи.

была въ употребленіи въ вѣкъ реформаціи, впрочемъ лишь въ университетскомъ обученіи; въ народныя же школы перешла кажется въ началѣ XVII вѣка и существовала въ XVIII вѣкѣ, не смотря на параллельное существованіе св. исторіи въ ея тенерешнемъ обособленномъ видѣ ¹⁾). Нераздѣльное преподаваніе священной исторіи съ всеобщемою мотивировалось у представителей этого метода тѣмъ, что лишь Св. Писаніе можетъ быть вождемъ насомнѣнной и достовѣрной исторіи ²⁾). На вопросъ: съ чего начинать изложеніе общей исторіи, они отвѣчали: ей требуется предпосылать не выдумки (*imaginatioes*) Демокрита, или Платона, или Аристотеля, а воплить достовѣрныя сказанія 1-й главы книги Бытія ³⁾, хотя бы люди невѣжественные ихъ осмѣивали или превращали въ *μυθολογίας* ⁴⁾. Первый періодъ общей исторіи носилъ у нихъ названіе „пустого“ ⁵⁾, или „темнаго“ ⁶⁾, потому что такимъ являетъ его библія ⁷⁾. Второю періодъ общей исторіи назывался „миеологическимъ“, потому что при описаніи его приходится выходить изъ предѣловъ достовѣрнаго источника, и обращаться къ языческимъ писателямъ. Съ другой стороны, въ то время находили существенныя препятствія къ тому, чтобы гражданскую исторію такъ сказать оставить при ней самой и не вводить въ нее священо-историческихъ событій.

---

¹⁾ Въ *Acta scholastica*, herausg. v. Biedermann 1740. В. II, помѣщена статья, въ которой между прочимъ говорится (pag. 323 f.) противъ обученія общей исторіи въ формѣ, при которой въ послѣднюю вышались св. историческія событія.

²⁾ Helvicus, *De IV summis imperiis*. 1609 § 8, ср. § 48.

³⁾ *Chronicon Carionis...* a Phil. Melanchtono et (перев. 2 части) С. Peucego. Edit. 1610 an., pag. 12 E. F. Этотъ трудъ Меланхтона, будучи на лат. языкѣ учебникомъ для университетовъ, на нѣмецкомъ сдѣлался народной книгой (*„Volksbuch.“* Zetzschwitz, *System d. christlich kirchlichen Katechetik*. Leipzig. 1869. В. II, Abth. 2, Hälfte 1, p. 77) и для насъ особенно важенъ, такъ какъ былъ прототипомъ для множества школьных учебниковъ.

⁴⁾ *Ib.* 13 A.

⁵⁾ Melanchton, p. 6 sq.

⁶⁾ Holdbergius, *Synopsis Historiae universalis* Ed. 4. Pafniae 1749. pag. 4.

⁷⁾ *Ibidem*.

Гражданская исторія, какъ тогда думали, начинается только съ Нимрода, и полагали, что безъ описанія событій, которыя называются въ началѣ библии, исторія была бы книгой, у которой первыя страницы вырваны ¹⁾. Указывалось при этомъ и то основаніе, что начало гражданской исторіи кроется въ священной и по существу дѣла. Первое основаніе общественной жизни, съ появленіемъ и возникновеніемъ которой становится возможной гражданская исторія, есть уваженіе къ человѣческой жизни, заповѣдь же о неприкосновенности послѣдней дана самимъ Богомъ послѣ потопа ²⁾. Другое основаніе общественной жизни есть установленіе брачнаго сожителства, а это установленіе опять есть священно-историческое и относится ко времени райскаго существованія первой четы ³⁾. Высшая форма гражданской жизни — монархія также установлена Богомъ для того, чтобы была съ одной стороны видѣна цѣль божественныхъ откровеній въ исторіи церкви ⁴⁾; а съ другой, чтобы взаимнѣ отеческаго авторитета (имѣвшаго мѣсто въ патриархальномъ образѣ жизни) законъ имѣлъ болѣе сильную поддержку. Поэтому установитель имперіи Нимродъ назывался „*venator robustus socius Deum*“ ⁵⁾. Вся вообще исторія у представителей описываемаго метода изложенія ея является съ священнымъ характеромъ. Самое существованіе ея выводится изъ Божественнаго намѣренія сообщать намъ чрезъ нее свѣдѣнія о порядкѣ Божественныхъ откровеній, о причинахъ человѣческихъ бѣдствій и смерти и привести насъ къ познанію Сына Божія, чрезъ Котораго мы освобождаемся отъ этихъ золъ ⁶⁾.

Обученіе гражданской исторіи, въ которомъ находила себѣ мѣсто и священная, велось неодинаковымъ способомъ. Наиболѣе элемен-

¹⁾ Helvicus, § 63; Melanchton, p. 7, G. II.

²⁾ Melanchton, 18. G. II.

³⁾ id. 14 D.

⁴⁾ id. p. 34 G.

⁵⁾ id. 29 F, 20 A—D.

⁶⁾ id. 27 B.

тарную форму этого обученія представляет та, которую одинъ изъ тогдашнихъ дидактологовъ называлъ „порядкомъ хронологическимъ“. При этомъ событія общей и св. исторіи излагались одно за другимъ безъ всякаго различія. Съ начала міра и „до нашего времени“ годъ отмѣчались случившимся въ нихъ и стоящимъ запомниманія событіемъ—того или другаго рода. Другую форму разсматриваемаго обученія представляетъ изложеніе „синхронистическое“, т. е. параллельное разсмотрѣніе одновременно существовавшихъ государствъ. Подражая извѣстному дѣленію исторіи у Достопочтеннаго Беды на 6 періодовъ, сообразно шести возрастамъ чловѣка, и синхронистическіе учебники общей исторіи раздѣляли послѣднюю на шесть періодовъ, причемъ одинъ періодъ начинался съ священно-историческаго событія (напр. періодъ отъ призванія Авраама), другой— съ общенсторическаго (напр. періодъ отъ основанія Рима). Въ каждомъ изъ раздѣленныхъ такимъ образомъ періодовъ поочередно излагалась исторія государствъ, которыя были въ описываемое время, напр. сначала исторія Израильтянъ, потомъ Египтянъ и т. д. Третью и самую употребительную форму этого обученія представляетъ изложеніе исторіи по имперіямъ. Находя для себя основаніе въ извѣстномъ пророчествѣ Даніила, этотъ способъ раздѣлялъ исторію (кромѣ введенія) на четыре періода согласно 4-мъ имперіямъ (Ассирійской, или Халдейской, или Вавилонской, Персидской, Македонской и Римской). А такъ какъ по устроенію Божію эти имперіи слѣдовали одна за другою, поэтому при раздѣленіи по имперіямъ не пропускалось ни одного года изъ прожитыхъ чловѣчествомъ лѣтъ ¹⁾; съ другой стороны не нарушалась хронологическая послѣдовательность. Что касается того, какъ излагались при этомъ способѣ событія, то конечно и здѣсь синхронизмъ игралъ главную роль, но являлся онъ въ иномъ видѣ, чѣмъ въ синхронистическихъ изложеніяхъ. Именно въ однихъ случаяхъ совмѣстно раз-

¹⁾ Pelvicus in Praefat.; Melancton 8, E. F. 29.

считались такія государства, которыя примыкали къ трактуемой имперіи, или излагались такія событія изъ жизни государствъ, которыя возникли въ прямой зависимости отъ трактуемой имперіи; такъ напр., рассказывая по порядку о царяхъ первой Ассирійской имперіи, одинъ учебникъ доходитъ до Салманассара, и говорить о плѣненіи 10-ти колѣнъ израильскихъ ¹⁾; доходя до Навуходоносора, рассказываетъ о плѣнѣ Вавилонскомъ ²⁾ и т. п. Иногда изложеніе въ каждомъ изъ 4-хъ періодовъ начиналось съ общаго обзора, которое состояло въ толкованіи Даниилова изображенія данной имперіи. Напр. при характеристикѣ 2-й имперіи объяснялось, что двѣ руки обозначаютъ два царства Мидійское и Персидское; грудь изъ серебра обозначаетъ особенное богатство этой имперіи, причѣмъ приводились въ доказательство свидѣтельства книги Есфирь (I, 3), Діодора, Страбона, Плинія, Исаи (XLV, 3), и проч. ³⁾. Послѣ такого общаго обзора переходили къ „синхронизмамъ“ и рассматривали судьбы каждаго изъ подлежащихъ рассмотрѣнію государствъ ⁴⁾; такъ что и здѣсь, какъ въ синхронистическомъ изложеніи, стоило только связать листики, говорящіе въ разныхъ мѣстахъ объ одномъ и томъ же государствѣ, и получались хронологически послѣдовательные рассказы о каждомъ изъ государствъ порознь. Но Меланхтонъ (хотя и не вездѣ) освобождаетъ и отъ этого труда—подбирать разбросанное въ учебникѣ. Въ „Хроникѣ Каріона“ находится напримѣръ такого рода заглавіе: „Гречія время первой имперіи“ ⁵⁾),—заглавіе, умѣстное только при такомъ способѣ изложенія исторіи, при которомъ нить, объединяющая всю исторію въ одно цѣлое и дающая возможность свести въ опредѣленные

¹⁾ Mich. Neander, *Chronicon, sive synopsis historiarum*. Lipsiae, 1590, pag. 41. — Мях. Неандеръ принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся дидактологовъ своего времени. См. о немъ напр. въ исг. педагогика Раузера, переведенной на русск. 21.

²⁾ Id. p. 45.

³⁾ См. *Helveticus* §§ 59—62, § 75, ср. §§ 33—41, 76—82, 65—70.

⁴⁾ Id. напр. § 42—57.

⁵⁾ Pag. 60.

группы событія, которыя случались въ разныхъ мѣстахъ, не мѣшала связному изложенію исторіи каждаго изъ государствъ въ отдѣльности. Но при всѣхъ указанныхъ формахъ разсматриваемаго изложенія, общая исторія совершенно одинаково начиналась съ начальныхъ разказовъ священной исторіи. Твореніе міра изъ ничего (безъ обозначенія дней творенія), состояніе невинности, паденіе прародителей, жизнь въ раѣ, братоубійство, основаніе каннитскаго царства зла, поглотившаго затѣмъ сиѣво царство добра, потопъ, разселеніе, а у иныхъ Авраамъ и весь періодъ патриарховъ — вотъ съ чѣмъ встрѣчался ученикъ въ учебникахъ, посвященныхъ по нынѣшнему гражданской исторіи. Затѣмъ при синхронистическомъ изложеніи событія дальнѣйшей св. исторіи вносились въ общую, какъ событія государственной жизни народа Божія. При расположеніи по имперіямъ они помѣшались подъ рубриками „Израильскій народъ“, „дѣла церква“, „религіозное состояніе“. Намъ извѣстенъ только одинъ случай отступленія отъ этого общепринятаго порядка изложенія, при чемъ авторъ учебника, — руководясь тѣмъ основаніемъ, что „древняя священная (т. е. ветхозавѣтная) исторія не можетъ быть обнята методомъ 4-хъ имперій, такъ какъ разказываетъ между прочимъ о временахъ, предшествовавшихъ имперіямъ“, — находитъ болѣе правильнымъ исторію народа Божія преднослать и запятая ея прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшей пяти“¹⁾). При всемъ этомъ безспорно являлась нѣкоторая разбросанность въ изложеніи; но что касается полноты, то, остановившись на одной ветхозавѣтной исторіи, мы видимъ, что въ общей исторіи она сообщалась едва ли не шире, чѣмъ впоследствии при самостоятельномъ, обособленномъ преподаваніи св. исторіи. Въ самомъ полномъ учебникѣ по св. исторіи мы не встрѣтимъ разказа напр. о дѣтяхъ Ноевыхъ дѣтей, еще менѣе о впускахъ послѣднихъ, и теперешній ученикъ, имѣющій по св. исторіи полный баллъ, навѣрно не знаетъ о дѣтяхъ Гомера, сына Іафетова. Здѣсь же они, какъ родоначальники разныхъ національностей, явля-

¹⁾ Holdbergias, p. 5.

лись на лицо; Ф. Меланхтонъ напр. занимается характеристикой (на основаніи филологіи) всѣхъ пятерыхъ дѣтей Сима, Хамова потомства и т. д., и указаніемъ, какіе народы отъ кого произошли ¹⁾. А что въ учебникѣ Гольдберга въ числѣ знаменитыхъ патриарховъ не оказался Ной, то это такая же случайность, какъ и то, что у Неандера въ общей исторіи братоубійство Каина разсказывается, въ св. же исторіи народа Божія пропущено. Само собой разумѣется, что всѣ судьи и всѣ цари находили себѣ мѣсто—въ краткихъ учебникахъ въ перечневомъ спискѣ и съ описаніемъ судьбы и дѣйствій особенно выдававшихся изъ нихъ ²⁾, а въ болѣе пространныхъ съ означеннымъ описаніемъ всѣхъ царей и судей ³⁾. Но стремленіе исчерпать по возможности всю повѣствовательную часть ветхозавѣтныхъ книгъ шло далѣе, — старались похѣтитъ разказы, имѣющіе болѣе моральное чѣмъ историческое значеніе, напр. о Товитѣ и Рагуилѣ ⁴⁾. Съ другой стороны общеисторическое значеніе учебника давало авторамъ учебниковъ возможность пополнять свѣдѣнія о священно-историческихъ лицахъ изъ преданій; кромѣ сказаннаго о нихъ въ Библии, мы узнаемъ изъ этихъ учебниковъ о многомъ другомъ, —напр. о томъ, что Адамъ оставилъ 2 tabulas и 15 книгъ, что сивиллы хранили божественное преданіе, что Енохъ вознесся въ присутствіи другихъ членовъ тогдашней церкви и т. д. ⁵⁾. Въ передачѣ новозавѣтныхъ событій такой полноты мы не встрѣчаемъ. Но зато здѣсь исторіи больше распространялись въ длину и долготу. Какъ гражданскія событія слѣдрили до послѣдняго времени, такъ равно и священныя дѣла церкви не ограничивались временемъ, до котораго доходитъ разсказываемое евангеліемъ Св. Писанія.

Что касается педагогической стороны, то всякаго въ настоя-

¹⁾ Рр. 19—27.

²⁾ Holdbergius, pp. 11, 14.

³⁾ Melanchton, pag. 43 sq.

⁴⁾ Id. p. 60, Neander, p. 44.

⁵⁾ Melanchton, p. 17, C; Holdbergius, p. 7; Neander, p. 39; Melancht., p. 17 F.

щемъ случаѣ поразить прежде всего рѣшительное разпогласіе тогдашнихъ дидактологовъ съ теперешними требованіями, которыя предъявляются повѣйшей дидактикой историческому обученію и справедливость которыхъ во многихъ случаяхъ не подлежатъ сомнѣнію. Старинные дидактологи старались всячески, чтобы ученики запомнили, что были такіа-то и такіа событія, и почти совсѣмъ оставляли въ сторонѣ то, какъ происходили, слагались и совершались событія. Динамическая сторона разсказовъ, — то, что создаетъ драматизмъ въ положеніи лицъ и событій, и что увлекаетъ въ исторіи, — это опускалось какъ ничтожное или лишнее въ учебникѣ. Возьмемъ напр. такой образчикъ: спрашивается: „кто былъ наиболѣе замѣчательнъ изъ перечисленныхъ выше 14-ти патріарховъ?“ отвѣтъ: „Іосифъ, который былъ проданъ по зависти братьями и отвѣденный въ Египетъ былъ купленъ префектомъ спалъниковъ Фараона Пентефриемъ. По достиженіи зрѣлаго возраста, онъ былъ безуспѣшно склоняемъ женою Пентефрія ко грѣху, и по ея ложному обвиненію понесъ незаслуженное наказаніе трехлѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Выведенный отсюда для истолкованія сновъ царя, сдѣланъ былъ начальникомъ надъ цѣлымъ Египтомъ за то, что предсказала наибольшее безплодіе земли въ теченіе 7 лѣтъ. На третьемъ году наступившаго голода Іаковъ (о которомъ говорилось предъ рѣчью объ Іосифѣ) со всеми дѣтьми отправляется въ Египетъ, и тамъ поселяется“¹⁾. Можно подумать, что изученію этого и подобныхъ ему отвѣтовъ вообще всего учебника предшествовала особая ступень обученія, причемъ въ данномъ напр. случаѣ было разсказано, „какъ“ любовь отца возстановила братьевъ противъ Іосифа, а его разказы о 2-хъ видѣнныхъ имъ снахъ подожгли зависть, „какъ“ онъ былъ приговоренъ къ смерти и былъ проданъ, „какъ“ это подѣйствовало на отца; „какъ“ Іосифъ встрѣтился въ тюрьмѣ съ виночерпиемъ и хлѣбодаромъ и объяснилъ имъ сны, на дѣлѣ потомъ оправдавшіеся, „какъ“ онъ былъ представленъ къ

¹⁾ Hildbergius, p. 9.

парю, „какъ“ снова увидѣлся съ братьями и съ отцомъ; и уже послѣ всѣхъ этихъ разсказовъ дѣти заучивали резюме разсказанныхъ событій. Но въ дѣйствительности никакой такой ступени обученія не предшествовало, не предшествовало даже живаго разсказа учителя усвоенію написаннаго въ учебникѣ. Вслѣдствіе этого являлась неизбежная сухость въ историческомъ изложеніи. При всѣхъ своихъ недостаткахъ такой методъ обученія исторіи имѣлъ однакоже и свои основанія. Старинные дидактологи, такіе напр. какъ Leonius Rensnegus, очень хорошо понимали, что динамическая сторона составляетъ суть историческихъ разсказовъ ¹⁾. Но, не смотря на это, названный дидактологъ всетаки стоитъ за сухой отчетъ въ изложеніи учебниковъ по исторіи, потому что хотя, говоритъ онъ, разнообразіе и сложность разсказа доставляютъ пріятность, но это утѣсняетъ и умъ (*intelligendi vim*) и память ²⁾. Съ этой же цѣлю „облегченія памяти“ иногда практиковалось изложеніе исторіи „хртематическимъ методомъ“ ³⁾. Опять, чтобы не видѣть нелѣпности тамъ, гдѣ ея нѣтъ, нужно имѣть въ виду, что, благодаря разбивкѣ содержанія на отдѣльные отвѣты, ученику не приходилось запоминать длиннаго ряда представленій, удерживать въ головѣ такое цѣлое, массивность котораго не по силамъ его памяти. Само собой видно изъ вышесказаннаго, что именно *память ученика* была центромъ, на который преимущественно обращали вниманіе старинные дидактологи, причемъ они заботились главнымъ образомъ о *точномъ* усвоеніи учащимися *схемы* извѣстнаго разсказа. и вотъ почему оставляли въ сторонѣ вопросы „какъ“, „какимъ образомъ“, и не прибѣгали къ оживленію своихъ разсказовъ посредствомъ картинъ. Намъ остается упомянуть еще объ одной особенноти разсматриваемаго метода обученія, отъ которой св. исторія такъ же освободи-

---

¹⁾ «...totius Historiae medulla et quasi anima est παραγγατικὴ». Isagoges Historicae libri duo... Ienae. 1609, pag. I.

²⁾ Id. ib. Praefat.

³⁾ Holdbergius, in praefat.

лась, хотя не сразу ¹⁾, когда была выдѣлена изъ общей и стала самостоятельной дисциплиной. Дѣло въ томъ, что по своему обычаю, прежде сообщенія свѣдѣній о какомъ либо предметѣ, знакомить учениковъ съ своеобразными, свойственными только ему особенностями, тогдашніе дидактологи и обученіе исторіи предваряли сообщеніемъ свѣдѣній о томъ, что такое эпоха, эра, имперія и т. д., и такимъ образомъ съ библейскими разсказами ученикъ встрѣчался не прямо, а напередъ освоившись съ особенностями историческаго языка.

Живыя отношенія между священнои и гражданскою исторіями не окончились и съ раздѣленіемъ ихъ. Можно было бы сказать, что, взявъ изъ общей исторіи свое тѣло, св. исторія оставила въ ней свой духъ, въ виду множества учебниковъ по общей исторіи Боссюэтовскаго направленія, если бы всѣ эти учебники были вполне вѣрны своему образцу, т. е. въ той же мѣрѣ были проникнуты религіозной идеей и такъ же послѣдовательно чрезъ всю исторію проводили идею Божественнаго промысла. Но, говоря о сохраненіи связи между священною и гражданскою исторіею, мы имѣемъ въ виду не эти учебники, а самую школьную практику. Когда обученіе общей исторіи въ народныхъ школахъ было введено еще въ незначительныхъ размѣрахъ, или сводилось лишь въ отечественной исторіи, введеніе его въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо мотивировалось тѣмъ, что оно потребно для болѣе яснаго пониманія св. исторіи ²⁾. Но и послѣ того, когда общая исторія была признана въ качествѣ отдѣльнаго предмета школьнаго обученія, св. исторія не рѣдко ставилась въ ней на первомъ планѣ и, уже пройдя ее, ученикъ ³⁾ брался за изученіе общей исторіи ³⁾. Въ недавнее время въ иностранной литературѣ начали появляться особые проекты о сліянніи св. исторіи съ гражданскою. Сюда относится проектъ Грюбнау, по кото-

¹⁾ См. *Summarium Historiae ecclesiasticae*, Adami Rechenbergi. Lipsiae. Ed. 7. 1720 pagg. I sqq.

²⁾ *Pädagogischer Jahresbericht*, herausg. (съ 1846 г.) v. Naecke, (съ 1857) v. Lüben, (съ 1874) v. Dittes. В. X, p. 378; IX, 438.

³⁾ *Ib.* XI, 358, 366; XII, 9; VIII, 364.

рому св. исторія исключается изъ религіознаго обученія, и передается въ общую ¹⁾). Предлогъ къ этому выставляется здѣсь тотъ, что въ религіозномъ обученіи совмѣщаются матеріалы слишкомъ разнородные — исторія и поэзія, молитвы и догматы; поэтому въ проектѣ высказывается заботливость „объ упрощеніи“ дѣла, и матеріаламъ, которые предполагаются къ изытію изъ религіознаго обученія, подыскать мѣсто въ другихъ предметахъ обученія. Но это только предлогъ; настоящая же цѣль скрывается въ стремленіи изъ религіознаго обученія выдѣлать по возможности все, что рознитъ различныя вѣроисповѣданія. Но такъ какъ св. исторія меньше нежели что нибудь другое изъ области религіознаго обученія способствуетъ поддержанію этой розни, по крайней мѣрѣ по своему *историческому* существованію, — то рассматриваемый проектъ въ сущности не имѣетъ для себя никакого серьезнаго основанія. Въ противоположность древнему единству св. и гражданской исторіи, въ которомъ гражданская дѣлалась свящ-ною, здѣсь — съ священной исторіи снимается ея священный характеръ. Большія претензіи на реформированіе св. исторіи, въ духѣ сліянія ея съ общею исторіею, предъявлены въ новѣйшее время Бэрингомъ. Перебирая существующіе дидактическіе взгляды на св. исторію, авторъ высказывается противъ тѣхъ, которые рассматриваютъ св. исторію какъ священный предметъ, — видятъ въ ней рядъ событій, совершившихся подъ иными воздѣйствіями, чѣмъ общ-историческія событія, и непреимущественно обращаютъ ее въ исторію чудеснаго ²⁾). Вооружившись взглядами Де-Ветте, Бунзена и другихъ на библейскую исторію, авторъ смѣло приступилъ къ ея реформированію и секуляризирванію. Но къ сожалѣнію, реформаторъ достаточно не выяснилъ, какъ опредѣленно представить его новое общ-историческое обученіе св. исторіи и даже въ чемъ состоятъ его отличительная особенность. Въ своей „Реформѣ христіанскаго религіознаго обу-

¹⁾ Ib. XXVI, 77.

²⁾ Bähring, Die Reform des Christlichen Religionsunterrichtes. Berlin 1872. pag. 95 f.

ченія“ онъ говоритъ, что на первой ступени „подготовительнаго историческаго религіознаго обученія“ ¹⁾ сообщается сначала понятіе о Богѣ чрезъ разсмотрѣніе природы; потомъ излагаются важнѣйшіе факты и сообщаются свѣдѣнія объ историческихъ личностяхъ, имѣющихъ наиболѣе важное значеніе въ исторіи человѣческаго спасенія, причѣмъ отчотливо выясняется божественное поученіе о людяхъ и крозмъ того преподаваніе исторіи оживляется, дѣлается болѣе наглядною догматическая часть религіознаго обученія ²⁾. На второй ступени идетъ прагматическое обученіе св. исторіи сообразно тремъ фазисамъ развитія царства Божія—въ семействѣ, въ отдѣльномъ народѣ и въ цѣломъ человѣчествѣ ³⁾. Спрашивается: что тутъ существенно новаго? Авторъ распространяется въ своей „Реформѣ“ и о томъ, что христіане суть „народъ священниковъ“; и о томъ, что священство это есть не теорія лишъ, а правдивый принципъ; и о томъ, что Іисусъ Христосъ и апостолы не заключали своего ученія въ мертвыя формулы; и о томъ, что явленіе папства есть признакъ упадка вѣры и благочестія; и о томъ, что необходимо національное религіозное сознаніе; и о томъ, что идеаль школы долженъ имѣть философское основаніе; и о томъ, что катехизическое обученіе не должно быть допускаемо; и о значенія историческаго въ христіанствѣ; авторъ вдается здѣсь въ полемику съ папствомъ, съ лютеранскимъ ортодоксализмомъ въ педагогикѣ, и т. под. Всѣ эти уклоненія показываютъ, что Бэрингъ не овладѣлъ своей задачею реформировать обученіе св. исторіи. {Общисторическое обученіе его св. исторіи, насколько оно обрисовывается въ его „Реформѣ“, въ сущности мало отличается отъ того, которое гораздо раньше проектировалъ извѣстный нѣмецкій теологъ Де-Ветте, по у котораго лучше объяснены и полнѣе раскрыты основанія для такой постановки св. исторіи. Основы этой

¹⁾ Неподготовительное и послѣвоѣрмационное обученіе есть *научное-wissenschaftliche*. Reform. pag. 98.

²⁾ Bähring, Reform. pag. 99.

³⁾ Id. ib. p. 100.

постановки выводятся у него не изъ требованій дидактическаго искусства, не изъ факта происхожденія гражданской исторіи изъ священной, какъ напр. у Меланхтона, не изъ потребностей и вкусовъ новѣйшаго времени (какъ у Бэринга), но изъ предмета и задачи самой св. исторіи, какъ имѣющей въ виду представить постоянное раскрытіе откровенія царства Божія на землѣ ¹⁾). Сообразно съ этимъ, общеисторическая постановка св. исторіи поставляется у него не въ томъ, что послѣдняя перестаетъ быть „черезъ это исторіей чудесъ“ (чего такъ домогается Бэрингъ), не въ томъ, что она перестаетъ быть „священной“ и не въ томъ, что она дополняетъ свѣдѣнія общей исторіи; но въ томъ, что изъ нея генетически вытекаетъ — и не для мысли только, а и въ самой исторической дѣйствительности — все историческое развитіе человѣческаго рода, особенно начиная съ христіанской эры. Выгоды такой постановки св. исторіи, особенно въ высшихъ курсахъ ея преподаванія, въ извѣстномъ отношеніи неоспоримы, но лишь при условіи выполненія на дѣлѣ всѣхъ существенныхъ требованій, связанныхъ съ этой постановкой, которыя до послѣдняго времени, насколько намъ извѣстно, не нашли желаемаго осуществленія ни въ одномъ изъ существующихъ опытовъ въ иностранной, особенно же рационалистической литературѣ.

Объ употребленіи св. исторіи въ качествѣ особеннаго предмета обученія слѣдуетъ сказать прежде всего, что въ новое время это самое популярное ея употребленіе. За небольшими исключеніями, приблизительно до 50-хъ годовъ, совсѣмъ не было въ ходу и толковъ о какой либо другой формѣ ея постановки и въ настоящее время предметное именно ея употребленіе насчитываетъ наибольшее число послѣдователей. Безспорно лишь то, что эти послѣдователи — раздѣляются на два разряда. Одни ясно сознаютъ сами и обращаютъ вниманіе другихъ на то, что св. исторія для разныхъ цѣ-

¹⁾ De-Wette: «Die biblische Geschichte, als Geschichte der Offenbarung Gottes». Berlin. 1846. pag. 1.

лей можетъ быть употребляема въ разныхъ формахъ; но говорятъ, что въ школьномъ обращеніи прежде всего и болѣе всего или даже исключительно она должна быть именно какъ особый учебный предметъ ¹⁾. Однако такихъ дидактологовъ очень мало. Кроме Де-Ветте, Пальмера, Курца, Лингнера—мы затрудняемся указать еще кого нибудь. Что же касается остальной массы дидактологовъ, то они обращаютъ главное вниманіе не столько на вопросъ о формѣ, сколько о матеріальномъ составѣ религіознаго обученія, имѣя въ виду рѣшить, всё ли матеріалы изъ обширной области Закона Божія должны вправѣ входить въ составъ религіознаго обученія. Такимъ образомъ на ряду съ оправданіемъ матеріаловъ, представляемыхъ катехизисомъ, молитвами, богослуженіемъ, является у нихъ оправданіе и священно-историческаго матеріала; вопросъ же о формѣ пользованія послѣднимъ у нихъ болѣею частью совѣтъ и не ставится, какъ будто въ этомъ случаѣ возможна одна только какая нибудь форма, или какъ будто въ вопросѣ объ этомъ уже окончательно рѣшонъ. Между тѣмъ если по-смотреть на основанія, въ виду которыхъ св. исторія предоставляется право на участіе въ школьномъ обученіи, то чаще всего оказывается, что они выведены не изъ строгаго дидактическихъ соображеній. Болѣею частью указывается нравственное основаніе: св. исторію, говорить, нужно изучать потому, что она способствуетъ развитію нравственнаго чувства или характера. Но въ этомъ случаѣ св. исторія очевидно трактуется, какъ матеріалъ, который въ области обученія имѣетъ значеніе не самъ по себѣ, а по своей поимодидактической цѣли, такъ что найдется матеріалъ, который казался бы лучшимъ, чѣмъ св. исторія, средствомъ для нравственной цѣли, тогда св. историческій матеріалъ, какъ утратившій свою значимость, можно было бы устранить изъ школы, какъ это и было въ концѣ XVIII в. у филизтропистовъ. Имѣя это въ виду, и всматриваясь въ обычныя оправданія

¹⁾ De-Wette, p. 1, § 2; Palmer, Evangelische Katechetik. Stuttgart. 1861, Aufl. 5, p. 115; P. Jahresbericht IX, 32. Эти писатели, покрайней мѣрѣ съ отрицательной стороны, видятъ, что св. исторія часто совсѣмъ не удерживаетъ предметнаго характера при ея преподаваніи.

умѣстности и необходимости св. исторіи въ составѣ предметовъ обученія приводимыя дидактологами, читатель легко можетъ подумать, что ранѣе высказанное нами утвержденіе о наибольшей популярности и распространенности въ настоящее время предметнаго употребленія св. исторіи не совсѣмъ справедливо. Но если онъ обратитъ вниманіе на то, какое именно употребленіе св. исторіи считается наиболѣе цѣлесообразнымъ дидактологами новѣйшаго времени, въ такомъ случаѣ онъ не упрекнетъ насъ въ преувеличеніи дѣла. Лишь особая тенденція, даже лучшихъ иностранныхъ писателей дидактологовъ, приводятъ ихъ къ внесенію въ предметную форму такихъ элементовъ, которые ей несвойственны. Несоразмѣрное предпочтеніе, оказываемое ими матеріальной сторонѣ дѣла предъ *методическою-формальною*, будетъ предметомъ нашего обсужденія нѣсколько ниже. Теперь укажемъ на главное препятствіе, мѣшающее постановкѣ св. исторіи въ формѣ, чисто предметной, — какъ въ строгомъ смыслѣ предмета обученія. Разумѣемъ недостатокъ объективности при ея изложеніи у иностранныхъ дидактологовъ. Причина этого недостатка скрывается въ разновѣріи, въ распадѣи инославныхъ христіанъ на различныя вѣроисповѣданія. Отсюда происходитъ стремленіе иностранныхъ дидактологовъ различныхъ вѣроисповѣданій обратить св. исторію въ орудіе защиты своего исповѣданія, изложить ее такъ, съ такими отгѣнками, иногда даже произвольными внесеніями и искаженіями, чтобы изучившій ее самъ собой внутренне признать законнымъ явленіе католичества, протестантства или иной религіозной общины. Въ списокѣ библейскихъ исторій у католика напр. Олера на видномъ планѣ поставлены ММ съ заглавіями: „Исусъ общается Петру высшую связующую власть“ ¹⁾, „Исусъ передаетъ Петру высшее папственачальство“ и т. под. ²⁾. Шустеръ намѣренно умалчиваетъ о фактахъ неудобныхъ для защиты папства, напр. объ отреченіи ап. Петра отъ Христа ³⁾. Зенгеръ объ ап. Петрѣ раз-

¹⁾ Lehrbuch d. Erziehung u. d. Unterrichtes. Mainz. 3. Aufl. 1874, p. 350.

²⁾ P. 352.

³⁾ Pädag. Jahresbericht. XXVIII, 73.

сказываетъ пространно, и старается возможно ярче обрисовать его величіе, между тѣмъ какъ относительно ап. Павла ограничивается самымъ сухимъ и бѣднымъ очеркомъ ¹⁾). Кюперсъ въ краткомъ учебникѣ о первоначальномъ религіозномъ обученіи передаетъ немного отрывочныхъ разсказовъ изъ св. исторіи; но это нисколько не мѣшаетъ ему съ нѣкоторою подробностью разсказать объ ап. Петрѣ, и изобразить его не только „какъ высшаго пастыря“, но и какъ „папу христіанства“ ²⁾). Для Эрдмана не остается никакого сомнѣнія, что ап. Петръ въ теченіе 25 лѣтъ былъ Римскимъ епископомъ ³⁾). Мюллендорфъ заключаетъ свой учебникъ разсказомъ о св. Церкви Христа, и здѣсь достоинство папскаго престола отмѣчаетъ словами Иринея: „всѣ Церкви т. е. вѣрующіе должны согласоваться съ римскою Церковію ради ея могущественнаго первенства“ ⁴⁾). Вышеупомянутый Эрдманъ въ исторіи о преем. Богородицѣ не упускаетъ случая разсказать о непорочномъ зачатіи ⁵⁾). Тоже упомянутый Зенгеръ въ библ. исторіи В. Завѣта (въ послыскѣ Іудой Маккавейскимъ 12-ти тысячъ драхмъ въ Іерусалимъ) видитъ указаніе на то, что и тогда уже существовала вѣра въ чистилище ⁶⁾). Учебникъ Шустера (въ обработкѣ Говбуаммера) „повидимому посвященъ библейской исторіи; но въ сущности обращенъ въ апофеозу папства и католическаго ученія. Только это сдѣлано съ такою ловкостію и такъ тонко, что почти нельзя отгадать замысла“. Здѣсь, не говоря уже о другомъ, даже причащеніе подъ однимъ видомъ находятъ основаніе для себя въ Библіи ⁷⁾). Вообще въ средѣ католическихъ дидактологовъ едва ли найдется много такихъ, какъ Фарбманъ, который въ учебникѣ св. исторіи допустилъ даже нѣ-

¹⁾ Ів. XXVII, 57.

²⁾ Ів. pag. 63.

³⁾ Ів. XXX, 107.

⁴⁾ Ів. XXVI, 83.

⁵⁾ Ів. XXX, 107.

⁶⁾ Ів. XXI, 112.

⁷⁾ Ів. XXVII, 56.

сколько протестантскихъ духовныхъ стиховъ ¹⁾). Скорѣе большинство ихъ, въ видахъ оправданія себя чрезъ исторію, не прочь воспользоваться случаемъ для неблагопріятной окраски другаго вѣроисповѣданія. Само собою разумѣется, что и лютеране не упускаютъ подобныхъ случаевъ въ видахъ большаго расположенія учащихся на свою сторону или укрѣпленія ихъ въ лютеранскомъ вѣроисповѣданіи. У одного изъ нихъ изъ мѣста, взятаго изъ 1 Кор. XIII, 12 и 14 стихи оставлены, а 13-й выпущенъ, „чтобы дѣти не узнали, что любовь больше вѣры и надежды“ ²⁾). Даже такой изъ извѣстнѣйшихъ лютеранскихъ дидактологовъ, къ тому же извѣстный также и по своему свободному образу мыслей, какъ Керъ, въ рассказъ объ Авраамѣ вводитъ тенденціозно-лютеранское замѣчаніе, что „онъ былъ *первый*, который пришелъ къ познанію, что Богу благоугодна живая *отра*, а не мертвое само по себѣ дѣло“ ³⁾). Нельзя не указать также и на тотъ фактъ, что въ протестантскихъ учебникахъ церковной исторіи лютеранская „реформація“ обыкновенно представляется въ видѣ величайшей эпохи, съ которой начинается новая исторія ⁴⁾). Громадное множество св. исторій протестантскихъ авторовъ доселѣ излагается библейскимъ языкомъ въ Лютеровомъ переводѣ, не смотря на то, что переводъ этотъ устарѣлъ, многія слова теперь даже совсѣмъ непонятны нѣмецкимъ ученикамъ ⁵⁾; въ добавокъ критикою выставлены прямыя неправильности въ переводѣ ⁶⁾). Лютеранскіе излагатели св. исторіи только прибавляютъ къ учебникамъ „словообъясненія“ этого перевода; но отстунить отъ самаго перевода при изложеніи св. исторіи и воспользоваться другими лучшими, за весьма немногими исключеніями, считается

¹⁾ Ib. pag. 57.

²⁾ Ib. XV, 46.

³⁾ D. Christliche Religionsunterricht in d. Volksschule. 2 Aufl. Gotha 1870. I, 348.

⁴⁾ См. напр. Hollenberg, Hilfsbuch f. d. Evang. Religionsunterricht in Gymnasien. 21-e Aufl. Berlin. 1878 p. 191.

⁵⁾ P. Jahresbericht XVIII, 62.

⁶⁾ Напр. ibid. XVI, 39.

ревегатством¹⁾); напротивъ оны обыкновенно воехваляется въ воз-
можной мѣрѣ сильно²⁾); наконецъ одно, изданное еще въ давнее
время школьное лютеранское законодательство (Байрейтское 1664),
требуя не въ примѣръ прочимъ предметамъ особенно внимательнаго
преподаванія исторіи, прямо рекомендуетъ такъ преподавать ее,
„чтобы можно было видѣть и понять, изъ какихъ высокообудительныхъ
причинъ получила мѣсто святая и богоугодная реформація“³⁾.
Рѣшительно нельзя сказать, чтобы и послѣдующая практика протес-
тантскихъ школъ осудила указанное требованіе. Въ виду всего
этого, если и нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто св. исторія
вообще, по самому своему существу, поддерживаетъ разнь между раз-
личными вѣроисповѣданіями, однакоже, имѣя въ виду то, что суще-
ствуетъ на практикѣ, въ теперешнихъ иностранныхъ учебникахъ
по св. исторіи, нужно сознаться, что мнѣніе это имѣетъ для себя
нѣкоторыя основанія — хотя конечно не такія, чтобы по спра-
ведливости могли вызвать проектъ объ изытаніи св. исторіи изъ
круга предметовъ школьнаго обученія. Что касается до кальвинизма,
то вѣроисповѣдная тенденція его проглядываетъ въ особенной при-
верженности кальвинистическихъ дидактологовъ къ св. исторіи
именно Ветхаго Завѣта. Одинъ изъ кальвинистическихъ дидактоло-
говъ, стараясь оправдать ее, прямо указываетъ на нее какъ на
одно изъ рѣшительныхъ отличій кальвинизма отъ лютеранства, по
мнѣнію самого Кальвина⁴⁾, и входитъ при этомъ въ патянутое, хотя
и довольно живое сближеніе своей страны (Швейцаріи) съ Гудейской
страной, дабы вывести отсюда заключеніе, что особенное изученіе
ветхозавѣтной исторіи въ Швейцаріи требуется и „національноію
обученія“⁵⁾. Было бы несправедливо вообще отказать преподава-

¹⁾ Ib. XXVI, 83; XI, 380 f.; XXIX, 69.

²⁾ Haup. Grube, D. Elementar- u. Volksschulunterricht. 1851, pag. 48.

³⁾ Evangelische Schulordnungen. II, 630.

⁴⁾ Welti Kettiger, Die biblische Geschichten d. Alten Testaments in d. Volksschule. 1873. p. 8 f.

⁵⁾ P. 21.

телю или автору св. исторіи въ правѣ опираться такъ или иначе на нее въ подтвержденіе вѣроисповѣднаго ученія: но это должно дѣлаться безъ натяжекъ и неправильностей, вообще безъ тенденціозности. Мы осуждаемъ не всякія безъ различія сообразованія св. исторіи съ вѣроисповѣдными особенностями, но лишь такія, въ которыхъ, въ видахъ пропаганды, или искажается содержаніе священно-историческихъ разсказовъ, или влагается въ нихъ духъ, противный собственному ихъ смыслу, или наконецъ вышнее ихъ изложеніе нацѣленно допускаетъ такіе или другіе пробѣлы.

(Одно изъ весьма частыхъ и давнихъ увлеченій, встрѣчаемыхъ въ дидактической литературѣ, есть увлеченіе матеріальными цѣлями обученія. Какъ ни живо, ни резонно дидактологи говорятъ о другихъ цѣляхъ обученія, но только говорятъ; на дѣлѣ же главнымъ образомъ, а иногда почти исключительно, многіе изъ нихъ заботятся о томъ именно, чтобы вложить въ ученика какъ можно болѣе учебнаго матеріала. Въ нашей области это увлеченіе вытекаетъ изъ совершенно опредѣлительной и легко уловимой цѣли: передать по возможности весь историческій или (еще шире) весь повѣствовательный матеріалъ, заключающійся въ Св. Писаніи. Когда время было попроще, тогда и говорили просто, что ученику нужно имѣть свѣденія „о всѣхъ періодахъ и о всѣхъ по возможности личностяхъ, которыя упоминаются въ Библии“ ¹⁾). Въ послѣдующее и особенно въ наше время считаютъ нужнымъ все это мотивировать. Конечно въ мотивахъ не затрудняются и, прибавимъ, не будутъ затрудняться до тѣхъ поръ, пока не будетъ обязательнымъ ставить вопросъ о формѣ преподаванія св. исторіи; пока чрезъ это не выяснится, что предметное напр. употребленіе ея допускаетъ отнюдь не всѣ мотивированія, а лишь только согласующіяся съ тѣми опредѣлительными основаніями, которыя изъ общей суммы всѣхъ возможныхъ основаній дѣйствительно обуславливаютъ необходимость существованія св. исторіи въ кругу пред-

¹⁾ Дивверъ: *Agenda scholastica*, 1752—62. 10 st. p. 700.

метовъ обученія и обезпечиваютъ ея правоспособность на существованіе въ формѣ именно особаго предмета преподаванія. А такъ какъ вопросъ о различныхъ способахъ пользованія свящ. исторіею до сихъ поръ еще мало обращаетъ на себя вниманіе дидактологовъ, то въ случаѣ возможности оправдать введеніе въ св. исторію какого нибудь библейскаго повѣствованія (напр. о Моисеѣ) изъ его важности въ исторіи бож. домостроительства—оправдываютъ введеніе его этимъ именно мотивомъ; въ другихъ случаяхъ являются другіе мотивы. Введеніе въ св. исторію наприм. подробностей о дѣтствѣ Іосифа мотивируется иногда тѣмъ, что эта исторія очень близка дѣтскому возрасту и дѣтскимъ интересамъ¹⁾; не подходитъ эта причина, указываютъ на нравственно-образующее значеніе данной исторіи (напр. объ Іовѣ); нельзя выставить на видъ и этого основанія,—въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ къ преобразовательному смыслу извѣстнаго библейскаго событія. Это дѣлается напр. въ томъ случаѣ, когда въ св. исторію вводится повѣствованіе объ изгнаніи Авраамомъ Агари съ сыномъ ея Измаиломъ²⁾ и т. п.

Ясно видится въ подобныхъ случаяхъ, что „основанія“ просто придуманы и подысканы для того, чтобы не пропустить въ изложеніи св. исторіи повѣствованія. А такъ какъ въ библіи есть повѣствованія, касающіяся такъ сказать личныхъ обстоятельствъ того народа, въ средѣ котораго развивалось бож. домостроительство о спасеніи рода человѣческаго, то представители буквально-предметнаго употребленія св. исторіи въ своемъ увлеченіи матеріальною стороною дѣла нерѣдко вводятъ въ свои учебники по св. исторіи и этого рода описанія и повѣствованія. Естественно, что это вызвало протесты противъ излишняго расшпиренія объема св. исторіи, въ свою очередь доходящія иногда до противополож-

¹⁾ Ригеръ напр. въ числѣ близкихъ дѣтству разсказовъ помѣщаетъ о Каинѣ. *Pädagogische Repertorium* за 1873 г. pag. 67.

²⁾ Розень, «Способъ, которымъ можно учить и обучаться словеснымъ наукамъ». Перев. Кривоша, 2 изд. Сиб. 1789. V, 147.

ныхъ крайностей. Въ томъ, что пѣкоторые дидактологи новѣйшаго времени трактуютъ, какъ излишнее дѣло, — заставлятъ учениковъ знать всѣ до одного имена еврейскихъ судей и царей ¹⁾, — еще не видится крайности, но вмѣстѣ съ этимъ высказывается иногда осужденіе всей вообще „еврейщины“ въ св. исторіи ²⁾. Мы вѣдямъ, что въ 1870-мъ году на баварскомъ учительскомъ съѣздѣ нѣмецкіе дидактологи уже открыто говорятъ о томъ, что и до сихъ поръ дѣти не освобождены *отъ муки* задалбливать двѣ таблицы одновременныхъ (израильскихъ и іудейскихъ царей) и это раздѣленіе Евреевъ до сихъ поръ еще составляетъ величайшее несчастіе для школьниковъ ³⁾. Въ своемъ „руководствѣ къ библ. исторіи“ (1867 г.) Штальбергъ раздѣляетъ 1-ю часть исторіи царства Божія на 4 періода: періодъ дѣтства еврейскаго народа, періодъ юности его, мужества и старости ⁴⁾. Въ 1871 году нѣкто О. Рихтеръ пишетъ учебникъ библейской исторіи, въ предисловіи къ которому замѣчается, что „эта книга нѣсколько отклоняется отъ существующихъ учебниковъ по библейской исторіи“; главное же отклоненіе состоитъ въ свободѣ книги отъ *спеціально-еврейскаго*: авторъ выходитъ изъ того убѣжденія, что обученіе библейской исторіи должно слѣдовать высшимъ точкамъ зрѣнія, а то обстоятельство, что извѣстное событіе значится въ какой нибудь канонической книгѣ В. Завѣта, еще не безусловно достаточно для оправданія права его быть принятымъ въ *учебникъ исторіи библейской*; — сюда онъ между прочимъ относитъ исторію Самсонова ⁵⁾ и т. под.

Признавая за безспорный фактъ существованіе излишествъ въ курсахъ св. исторіи и внесеніе въ нихъ предметовъ, относя-

¹⁾ Anweisung zum Gebrauch. d. Bibel in Volksschulen. 3 auf. 1822. I, 292.

²⁾ P. Jahresbericht, IV, 183.

³⁾ Ib. XXII, 360 f.

⁴⁾ Ib. XIX, 45.

⁵⁾ Biblische Geschichten d. Alten u. Neuen Testaments. Magdeburg, 1871, pag. III sq.

дихся главнымъ образомъ къ еврейской народности, всетаки должно сказать, что главная ошибка состоитъ здѣсь не въ излишествахъ, а въ томъ, что производятъ ихъ. На самомъ дѣлѣ вѣдь многое изъ того, что у однихъ дидактологовъ является какъ чисто *еврейское*, у другихъ является прямо и существенно относящимся къ исторіи царства Божія, къ плану спасенія людей и т. п. Исторія Иосифа наприх. для однихъ—простои интересныи для дѣтей или поучительныи рассказъ изъ еврейской жизни; для другихъ же, какъ наприхѣрь для Де-Ветте, этотъ рассказъ обрисовываетъ существенно-важныи моментъ въ исторіи религіи. Въ излишнемъ обиліи матеріала, вносимаго въ св. исторію, достойно сожалѣнія не столько то, что дѣтей заставляютъ учить слишкомъ многое изъ св. исторіи, сколько то, что дидактологи, въ своемъ увлеченіи матеріальными дѣлами обученія, не всегда стараются съ точностью опредѣлять то, что несомнѣнно къ ней относится. Погоня за матеріаломъ, особенно въ прежнее время доходившая нерѣдко до пренебреженія къ смыслу и значенію матеріала, приноситъ вредныи послѣдствія въ двоякомъ отношеніи. Въ области дидактическаго изслѣдованія она повинна въ *большой* бѣдности той части дидактической литературы, которая занимается обработкою наиболѣе правильныхъ объясненій смысла св. историческихъ событій. Въ практической области пренебрежительное отношеніе къ смыслу св. историческаго матеріала не можетъ не сказаться существеннымъ вредомъ для учениковъ, усвояющихъ преподаваемыи въ такомъ видѣ матеріалъ; въ ученикахъ останется при этомъ только рядъ событій, изъ которыхъ лишь малая часть проникнетъ въ ихъ сознаніе съ освѣщеніемъ ихъ надлежащаго значенія; въ остальной же части, можетъ быть, и они возросши не будутъ видѣть ничего, кромѣ „еврейщины“, подобно вышеупомянутымъ критикамъ.

Справедливость требуетъ впрочемъ сказать, что взгляды на св. исторію, какъ на сырой матеріалъ для обученія, теперь все больше и больше начинаютъ уступать свое мѣсто другому взгляду, по которому этотъ матеріалъ имѣетъ въ себѣ свой весьма важныи

смыслъ, свой собственный духъ. Въ разсужденіяхъ большей части повѣйшихъ дидактологовъ замѣчается стремленіе въ фактахъ, изъ которыхъ слагается св. исторія, открыть одно цѣльное и въ такомъ именно осмысленномъ видѣ преподавать и въ школахъ¹⁾.

За послѣднее десятилѣтіе уже въ значительной степени успѣлъ обобщиться такой взглядъ на св. исторію въ кругу дидактологовъ, хотя ихъ методы изложенія этого предмета различны. Одни, въ видахъ наиболѣе цѣлесообразной постановки св. исторіи, вводятъ въ начальныя школы фрагментарное (отрывочное) ея преподаваніе, какъ единственно умѣстное и наиболѣе плодотворное, по ихъ мнѣнію, въ элементарномъ обученіи; но вопреки этому многіе компетентные дидактологи утверждаютъ, что не въ высшемъ только классѣ, а съ самаго начала обученія св. исторія должна быть цѣльнымъ, систематическимъ предметомъ въ полномъ смыслѣ. Другіе рекомендуютъ представлять св. историческіе разсказы въ систематической связности, но такой, при которой каждый изъ разсказовъ воплощалъ бы въ себѣ извѣстную идею и такимъ образомъ въ концѣ концовъ являлось бы не внѣшнее только единство, при которомъ отдѣльные факты ставятся сообразно хронологіи чисто въ механическую связь, а единство идеальное. Это требованіе нѣкоторые дидактологи выражаютъ такъ: связь между священо-историческими событіями должна быть не условная, а *прагматическая*. Не всѣ согласны безусловно и съ этимъ взглядомъ. Денцель наприм., соглашаясь допустить въ св. исторію связь по идеямъ, при этомъ однако замѣчаетъ, что есть въ исторіи событія, которыя необходимо слѣдуютъ за предшествующими, хотя по идеямъ это и не всегда выходитъ; поэтому онъ выговариваетъ право на двукратное преподаваніе св. исторіи и по двумъ различнымъ планамъ:

¹⁾ См. напр. P. Jahresbericht II, 38; VIII, 345; Rauschenbusch, Handbuch für Lehrer beim Gebrauch. des bibl. Geschichten. 3 auf. Schwelm. 1847. I, V и мн. др.

1) по исторической последовательности и 2) по идейной ¹⁾. Иногда прагматико-предметное употребление св. истории защищается не совсем удачно некоторыми из его сторонников против возражений его противников, — за всем тем оно приобрело в последнее время большую популярность.

Скажем несколько слов о времени, когда приблизительно оно появилось. Оно не впервые предъявлено в последнее время и первым виновником его нельзя признать, вследствие за некоторыми дидактологами, Курца ²⁾ — в виду уже одного того, что и прагматический идеал преподавания св. истории в значительной степени в дѣлѣ обученія преслѣдуетъ матеріальныя цѣли, а эти цѣли всегда имѣлись въ виду, въ разсужденіи всякаго школьнаго предмета. Что же касается выработанности, свойственной прагматическому методу новѣйшаго времени, особенно въ сравненіи съ преслѣдованіемъ грубой цѣли простаго насыщенія учениковъ историческими знаніями, то эту свою стороною новѣйшія прагматическія построенія св. истории обязаны главнымъ образомъ новѣйшей разработкѣ исторической науки вообще. Въ менѣе конечно обработанномъ видѣ, но за всемъ темъ съ болѣе или менѣе ясно поставленною прагматическою задачею учебники по св. истории являлись и раньше. Обращаясь къ фактическимъ подтвержденіямъ, мы можемъ указать: 1) на учебники XVIII вѣка, въ которыхъ проведена мысль о царствіи Божіемъ, и которые поименованы Цетвицемъ ³⁾ (хотя и онъ, вследствие за другими, прагматико-предметное употребленіе св. истории начинаетъ съ Курца); во 2-хъ — на дидактическій опытъ XVIII в., по которому еще въ 4-мъ классѣ (всѣхъ 8) ведется прагматическое обученіе, и въ разсужденіи св. истории В. Завѣта напр. требуется показывать, какъ еврейскій

¹⁾ Denzel, Einleitung in die Erziehungs u. Unter. Lehre. B. III, Th. 2, p. 24—5. 26—80. Aufl. 2, Stuttgart. 1833.

²⁾ Zetzschwitz, 143, Nissen (одинъ изъ признанныхъ специалистовъ по обработкѣ св. истории); Schleiswich-Hoisteinische Schulblatt, herausg. v. prof. Assmussen XI, 163. 166.

³⁾ Zetzschwitz, p. 146.

народъ безчисленное число разъ заслуживалъ быть уничтоженнымъ; но потому, что былъ сосудомъ откровенія (*depôt des Oracles*) и потому, что отъ его племени долженъ былъ произойти Христосъ, былъ поддерживаемъ до тѣхъ поръ, когда тайна спасенія была открыта и мѣсто синагоги заступила Христова церковь¹⁾. Но вромѣ того есть другіе опыты, которые удостовѣряютъ въ томъ, что прагматическое обученіе св. исторіи дидактикѣ XVIII вѣка было присуще въ довольно широкихъ размѣрахъ. Стоитъ обратить вниманіе на трудъ Фр. Гэнса, подъ заглавіемъ: „Руководство церк. исторіи В. Завѣта для низшихъ школъ“ (*Magdeburg. 1746*). Говоря о важности церк. исторіи, авторъ прямо опредѣляетъ ее, какъ исторію божественнаго домохраненія²⁾. Сообразно съ этимъ, и цѣль обученія этому предмету онъ поставляетъ въ ознакомленіи учениковъ съ тѣмъ, что обнаружилось въ исторіи бож. домохраненія³⁾; требуетъ затѣмъ раздѣлить св. исторію на отдѣльные періоды и показывать, какую опредѣленную цѣль Божественный промыслъ преслѣдовалъ въ каждомъ изъ нихъ⁴⁾; авторъ требуетъ, чтобы обстоятельнѣйше было показано: а) какъ промыслъ Божій достигалъ назначенныхъ цѣлей чрезъ такія средства, которыя діаволу и его орудіямъ казались слабыми и недостаточными, но которыми достигались весьма важные результаты (Примѣры: послѣдствія печальнаго вида Псемиі при царѣ, безсонной ночи Агасоера (*Есф. IX, 1*) и т. д.); чтобы въ противоположность этому б) было показано также, какъ хитр्या и повидному опасныя средства, которыя изобрѣталъ діаволь со своими орудіями, разрѣшались въ ничто (Примѣры: потопленіе Фараона, Валаамово благословеніе вмѣсто предполагавашагося проклятія, распространеніе свѣдѣній объ истинномъ Богѣ въ персидскомъ царствѣ, послѣдовавшее вмѣсто ожидавашагося истребленія живаго познанія о Богѣ въ

¹⁾ De l'education publique. Amsterdam, 1762. p. 103.

²⁾ Acta scholastica, VII, 501.

³⁾ Ib. 513.

⁴⁾ 518 г.

лицъ Давіила и 3-хъ отроковъ и т. под.); чтобы наконецъ е) было показано, какъ взаѣмъ ожидаемыхъ результатовъ выходили противоположные и въ томъ случаѣ, когда избранныя Богомъ орудія пытались содѣйствовать божеств. планамъ по своему разумѣнію (Авраамъ наприм., въ видахъ скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго исполненія обѣтованія Божія о его многонаслѣдствѣ, вступилъ въ другой бракъ, но отсюда произошли мадіантяне и ассиріяне—враги церкви) ¹⁾. Имѣя въ виду существующую новую литературу прагматическихъ учебниковъ по св. исторіи, нельзя отрицать, что въ ней высказывается не мало сходнаго съ вышеописанными требованіями руководства прошлаго вѣка. Начало прагматико-предметнаго употребленія св. исторіи справедливѣе поэтому отнести къ XVІІІ в. и не только потому, что въ это время уже были факты такого ея употребленія, но и по внутреннему значенію этихъ фактовъ. Факты эти не представляютъ собою исключительныхъ явленій: на основаніи ихъ можно говорить о постепенномъ развитіи прагматическихъ учебниковъ до новѣйшаго времени, причемъ само собой разумѣется, во времена болѣе близкія къ вачальному пункту развитія подобныхъ учебниковъ, ихъ было меньше и представляемое ими направленіе сказывалось слабѣе, чѣмъ въ позднѣйшее время; но нельзя сказать, чтобы, начавшись въ XVІІІ в., это направленіе потому совсѣмъ не имѣло представителей и только въ 40-хъ годахъ-текущаго вѣка снова появилось; не слѣдуетъ забывать, что въ текущемъ столѣтіи это направленіе имѣло своихъ представителей и до 40-хъ годовъ ²⁾. Мнѣніе, приурочивающее къ этому времени введеніе прагматическаго метода въ область св. исторіи, справедливо развѣ въ томъ смыслѣ, что, приблизительно къ концу 1-й половины нынѣшняго вѣка, педагогическіе протесты вынудили на нѣкоторыя уступки и приверженцевъ буквальнаго метода въ пре-

¹⁾ Раг. 518—539. Что касается до св. исторіи Нов. Зав., то нужно замѣтить, что трудъ Гейса возникъ подъ вліяніемъ такого же труда относительно новозавѣтной исторіи одного современника его Аббата (р. 501).

²⁾ Можно напр. указать на Гразера, Дендеса, Озіандера

подаваніи св. исторіи; и имъ стало видно съ этого времени, что если они хотятъ удержатъ свой методъ въ дѣлѣ обученія, то должны облагородитъ его посредствомъ болѣе или менѣе прагматической обработки. Вслѣдствіе этого представителей прагматическаго направленія прибавилось въ очень замѣтной мѣрѣ. Понятно само собою, что не всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе. Тѣ представители прагматическаго метода, которые говорятъ, что св. исторія должна представлять просто лишь разсказъ о божественномъ домо-строительствѣ и точному опредѣлительному смыслу послѣдняго пред-доставляютъ высказаться самому въ историческомъ ходѣ событій и фактовъ, расположенныхъ по извѣстной системѣ хронологической послѣдовательности, съ установленіемъ которой они считаютъ по-конченнымъ прагматическія свои обязательства, не оказываютъ большаго вліянія на обработку этого метода; прагматическая цѣль у нихъ не выполняется и больше остается въ ихъ умозрѣніи, нежели воплощается въ дѣйствительности. Можно упомянуть о другихъ, также въ сущности не особенно значительныхъ представителяхъ прагматическаго метода—именно о тѣхъ, прагматическія стремленія которыхъ не остаются въ области одного умозрѣнія; св. событія являются у нихъ въ прагматической оболочкѣ; но при самомъ внимательномъ наблюденіи въ ихъ опытахъ построенія св. исторіи нельзя отыскать какой-либо общей идеи, къ которой сводились бы всѣ частности ихъ историческаго изложенія. Къ этой категоріи принадлежатъ не одни второстепенные дидактологи, но и нѣкоторые изъ болѣе авторитетныхъ ¹⁾; за всѣмъ тѣмъ они все могутъ быть признаны лучшими представителями обсуждаемаго метода, къ которымъ скорѣе могли бы быть отнесены тѣ, которые считаютъ самымъ важнымъ дѣломъ установить общую идею, которой было бы подчинено все частичнѣе изложеніе св. исторіи, и намѣтить одну главную цѣль, къ осуществленію которой напра-

¹⁾ K. Schmidt, Собр. сочиненій подъ заглавіемъ: Zur Erziehung u. Religion. Götting. 1835, p. 247 f.

влялось бы все ея построение. Но что касается ихъ мнѣній объ идеѣ и цѣли св. исторіи, то въ ихъ разсужденіяхъ объ этомъ не замѣчается устойчивости и согласія. Мысль, что св. исторія есть часть религіознаго обученія, а религія есть общеніе человѣка съ Богомъ, располагаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ понимать св. исторію какъ разсказъ объ этомъ именно общеніи ¹⁾ и въ проведеніи этой именно идеи видѣть цѣль и назначеніе св. исторіи. Взглядъ на св. исторію, основанный на разсмотрѣніи ея собственнаго существа, приводитъ другихъ къ заключенію, что она должна разсказывать о спасеніи человѣка и что съ начала до конца въ ней долженъ проходить постепенно раскрывавшійся планъ божественнаго домостроительства ²⁾. А такъ какъ краеугольный камень человѣческаго спасенія составляютъ спасительныя заслуги І. Христа, то это даетъ третьимъ основаніе смотрѣть на св. исторію какъ на исторію божественнаго водительства людей чрезъ Іисуса Христа ³⁾. Но въ виду того, что въ дѣлѣ спасенія людей чрезъ І. Христа не только всѣ событія совершаются по управленію божественнаго Промысла, но въ нихъ живо и ощутительно открывается Тріединный Богъ,—четвертые проведенію „христологической“ идеи предпочитаютъ проведеніе „тринитарной“ идеи въ св. исторіи и сообразно съ этимъ дѣлятъ рядъ ея событій на три главные категоріи, изъ которыхъ въ 1-й является Богъ Отецъ, во 2-й открывается Богъ Сынъ, въ 3-й — царство Бога Духа Святаго ⁴⁾. Такъ какъ наконецъ въ дѣлѣ человѣческаго спасенія высказывается и общій характеръ божеств. воздѣйствія на людей, то главное назначеніе св. исторіи поставляется нѣкоторыми въ томъ, чтобы представить исторію воспитанія людей

¹⁾ Вухриаверъ: Schülze, Evangelische Schulkunde. Leipz. 1874. Auf. 3, pag. 279.

²⁾ Это наиболѣе общепринятая идея для прагматическаго построения и во главѣ представителей ея можно поставить Курца.

³⁾ Grazer, Elementarschule für's Leben. 1842. 2. auß., II, 175 f., ср. Zetzschwitz, p. 144; Kehr, II, 346.

⁴⁾ Dursch, Pädagogik... Tübingen, 1851. pp. 557—593.

Богомъ ¹⁾. Этотъ послѣдній взглядъ совпадаетъ отчасти съ вышеупомянутымъ взглядомъ де-Ветте, только у того св. исторія трактуется не какъ исторія воспитанія *людей*, а какъ исторія *религии*.

Къ сожалѣнью, за нѣсколькими лишь исключеніями, все это разнообразіе мнѣній по приведено еще къ желаемому исполненію на дѣлѣ и представляетъ вѣчто только еще начинающееся, переживающее періодъ разработки. Если говорить въ частности о каждой изъ упомянутыхъ идей, рекомендуемыхъ для постѣдовательнаго проведенія въ св. исторіи, то прежде всего идея *общенія* чловѣка съ Богомъ, какъ она ни возвышенна сама въ себѣ, въ самомъ существѣ своемъ заключаетъ однакоже нѣкоторыя, чисто дидактическія, препятствія къ успѣшному проведенію ея особенно въ элементарныхъ курсахъ св. исторіи. Дѣтямъ не легко разьяснить эту идею. Если сказать, что все дѣло общенія между Богомъ и людьми состоитъ въ благожеланіи съ одной стороны безъ заслуженныхъ правъ на это съ другой, въ чомъ собственно и состоитъ отличительная особенность религіознаго общенія, то едвали имъ было бы это вполне доступно. А это показываетъ, что за начало прагматическаго построенія св. исторіи въ разсматриваемомъ случаѣ берется такая идея, которая, будучи прекрасна сама по себѣ, не совсѣмъ однакоже удобна въ данномъ случаѣ къ примѣненію. Положивъ эту идею въ основу св. исторіи, мы поставлены были бы въ необходимость довольствоваться болѣе или менѣе не точнымъ выраженіемъ ея, причомъ ее легко смѣшать съ идеею спасенія, хотя нетождество этихъ идей не подлежитъ сомнѣнію ²⁾. Указаніе на первоначальное состояніе Адама и Евы—какъ на фактъ очевиднаго нагляднаго общенія между Богомъ и людьми—едва ли также можетъ привести къ желанной въ дан-

¹⁾ Die drei Preussischen Regulative, v. 1, 2 u. 3. October 1854. Berlin. 1855. Auf. 5. pag. 20, ср. Zetzschwitz, pag. 152 f.; Apel. Biblische Geschichte. Langensalz. 1860. Auf. 2, 1, 15.

²⁾ Цецзяль: pag. 150.

номъ случаѣ цѣли. Дѣло въ томъ, что въ фактѣ этого общенія дѣти не усматриваютъ собственно и именно того, что человѣкъ находился въ *религіозномъ* общеніи съ Богомъ; они видятъ болѣе всего и прежде всего, что тогда людямъ было хорошо. Этой цѣли, можетъ быть, достигала бы высоко-поэтическая обработка св. исторіи по идеѣ общенія, которая могущественно затрогивала бы дѣтскую душу, вводя ее въ отрадную сферу райскаго единенія первыхъ людей съ любвеобильнымъ Богомъ; но такой обработки на лицо пока еще не существуетъ. Слѣдуетъ сказать, что я-вличныя обработки св. исторіи по идеѣ *спасенія* не чужды значительныхъ недостатковъ; онѣ сами же сглаживаютъ этотъ именно смыслъ св. исторіи—во-первыхъ тѣмъ, что часто прерываютъ у дѣтей память объ идеѣ спасенія чрезъ внесеніе въ св. исторію разказовъ, которые или не имѣютъ никакого отношенія къ означенной основной идеѣ (таковы напримѣръ нравоучительные разказы изъ исторіи Іова), или имѣютъ болѣе или менѣе отдаленное отношеніе, по крайней мѣрѣ не вполне выясненное; во-вторыхъ тѣмъ, что недостаточно способствуютъ отчетливому усвоенію дѣтymi самой сущности своей основной идеи; дѣти, не умѣющія еще взвѣшивать сравнительной важности событій и обстоятельствъ безъ внушительныхъ отгѣнковъ со стороны учебника, затрудняются въ оцѣнѣ важнѣйшихъ фактовъ въ исторіи спасенія, когда въ ряду ихъ помѣщается все, начиная отъ конечнаго истребленія потопомъ, отъ язвъ египетскихъ, отъ осады Сennaхерима и проч. Нельзя не указать еще на тотъ существенный недостатокъ разсматриваемыхъ учебниковъ, что при обыкновенномъ отсутствіи въ нихъ надлежащей картины состоянія, въ которомъ находился язычникъ ко времени пришествія Мессіи, дѣло спасенія является какъ будто исключительнымъ достояніемъ одного лишь избраннаго народа, и ученикъ не всегда встрѣчаетъ въ нихъ достаточное разъясненіе того, что спасеніе не есть какое нибудь политическое или національно-еврейское, а религіозное, общечеловѣческое дѣло. Съ другой стороны, послѣдовательное проведеніе одной разсматриваемой идеи чрезъ всю св.

исторію по необходимости заставляет останавливаться, если не исключительно, то главнымъ образомъ на фактахъ человѣческой грѣховности. Какъ это ни важно и ни необходимо въ области преподаванія св. исторіи, здѣсь однакоже желательно соблюденіе нѣкоторой мѣры. Нельзя конечно согласиться съ тѣми, которые говорятъ, что, постоянно сталкиваясь въ св. исторіи съ явленіями грѣховности, ученикъ приучается смотрѣть на не-, какъ на дѣло обыкновенное, общее всѣмъ и потому просто неизбежное и для него¹⁾. За всѣмъ тѣмъ нельзя не желать, чтобы учебники по св. исторіи не приводили къ крайностямъ пессимизма, не разрушали въ дѣтяхъ свойственное имъ оптимистическое начало, ибо только при немъ возможно внутреннее усвоеніе христіанскаго правила объ уваженіи человѣческой личности, о тепломъ, сочувственномъ отношеніи къ людямъ; имъ необходимо сопровождается и дѣйствительное участіе той любвеобильной жизни, которая заповѣдана намъ христіанствомъ; только при сохраненіи его, въ должной конечно мѣрѣ, возможно наконецъ проникновеніе истинно-евангельскимъ взглядомъ на людей.²⁾ Проводящіе въ св. исторіи идею *христологическую* стараются выставить на видъ главнымъ образомъ постепенно расширявшіяся и болѣе и болѣе предъзнакомлявшія съ Мессіей ветхозавѣтныя обѣтованія и пророчества. Но едвали они могутъ похвалиться тѣмъ, что этимъ способомъ,—болѣе умѣстнымъ въ богословской системѣ,—они приводятъ умъ дѣтей къ ясному представленію о христологическомъ смыслѣ и значеніи Ветхаго Завета. Менѣе отвлеченный способъ для достиженія этой цѣли — именно преимущественное разъясненіе ветхозавѣтныхъ прообразовъ — также мало содѣйствуетъ успѣху въ означенномъ отношеніи, потому что прообразы воспринимаются дѣтьми больше въ собственномъ, буквальномъ, чѣмъ отдаленномъ своемъ смыслѣ; сказанное относится не только къ обычной, но и къ той обработкѣ св. исторіи, которая задается спеціальною цѣлію возможно живо начертать уму

¹⁾ Roth, *Gyranasiapädagogik.* p. 240.

дѣтей подготовительный смыслъ Ветхаго Завѣта и въ этихъ видахъ рекомендуетъ излагать Ветхозавѣтную исторію послѣ Новозавѣтной, въ надеждѣ, что ученики замѣтятъ въ первомъ повтореніи того, что они слышали въ послѣднемъ ¹⁾). Правда при этомъ возможны разъясненія дѣла; при разсказѣ о прообразахъ сначала можно объяснить ихъ собственный историческій смыслъ, затѣмъ прообразовательный, пояснивъ при этомъ — какъ, въ чомъ или на чомъ они исполнились; въ послѣднемъ случаѣ интересъ ученика будетъ твердо держаться на неожиданномъ открытіи въ томъ, что имъ раньше уже было усвоено, и такимъ образомъ явится новая пища для его любознательности. Только, не говоря о недостаточности подобныхъ разъясненій въ существующихъ опытахъ изложенія св. исторіи по означенному способу, нельзя не признать, что и въ самомъ этомъ способѣ заключается существенное несогласіе съ историческими требованіями, по которымъ предшествующее нужно излагать раньше послѣдующаго. Подготовительное значеніе Ветхаго Завѣта для Новаго должно оправдываться самымъ дѣломъ, какъ это дѣлается въ самомъ св. писаніи. Въ немъ выставляется на видъ постепенное возрастаніе духовнаго — въ религіозныхъ, нравственныхъ понятіяхъ, а также въ жизненныхъ интересахъ человѣчества — и такимъ образомъ подготовленіе древняго міра къ воспринятію Новаго Завѣта выражается чрезъ согласіе результатовъ историческаго прогресса съ тѣмъ, что составляло основной центръ проповѣди Спасителя. Изображая израильскій народъ какъ народъ Божій, по преимуществу призванный къ дѣлу служенія религіозной идеѣ, св. писаніе даетъ ясно видѣть, что какогонибудь другаго высшаго значенія, кромѣ религіозно подготовительнаго смысла, и не могла имѣть историческая жизнь того народа, исторія котораго составляетъ предметъ повѣствованій Ветхаго Завѣта. Между тѣмъ такой именно способъ проведенія христологической идеи въ учебникахъ по св. исторіи

¹⁾ Jahrbuch des Vereins für wissenschaftliche Pädagogik, herausg. v. T. Ziller, Leipz. B. III. 1871. p. 161.

еще мало усвоенъ. — Что касается опытовъ прагматическаго построения св. исторіи на основаніи *идеи Божественной Троичности*, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что опыты эти представляютъ новостъ въ учебной литературѣ. Затѣмъ нужно сказать, что опыты эти, съ надлежащимъ строго послѣдовательнымъ проведеніемъ означенной идеи, выходятъ изъ круга въ строгомъ смыслѣ учебниковъ по св. исторіи: они скорѣе представляютъ опыты историческаго обученія вѣрѣ, имѣя въ виду дать конкретную, воплощенную въ живыхъ и наглядныхъ фактахъ, опредѣлительность таинственному ученію о св. Троицѣ и поставляя исторію въ служеніе догматикѣ; въ этомъ именно состоитъ ихъ главное значеніе. Но намъ кажется, что попытки подобнаго построения св. исторіи, если имъ не предшествуетъ предварительное уясненіе истиннаго значенія христіанскаго ученія о св. Троицѣ, не гарантированы отъ опасности ввести въ образъ мыслей дѣтей тритеизмъ вмѣсто истинной идеи христіанской Троичности. У Дурша напр. поставлено на видъ, что Божество вообще, являясь по отношенію къ міру какъ всемогущество и мудрость, въ отношеніи къ людямъ вездѣ является какъ любовь ¹⁾. Но когда послѣ этого у автора рѣчь идетъ о различіи лицъ св. Троицы, тутъ любовь является у него отличительнымъ характеромъ царства Сына Божія ²⁾; Богъ же Отецъ характеризуется исключительно какъ правосудіе. Такимъ образомъ является не только запутывающая непослѣдовательность, но и — что касается до характеристики 1-го Лица св. Троицы — неправильность. Правосудіе остается во всей силѣ и въ Новомъ Завѣтѣ — въ царствѣ Бога Сына и Бога Духа Св.; и этимъ однимъ свойствомъ не выражается все то, что благоволилъ Богъ совершить для ветхо-завѣтныхъ людей. Нельзя конечно отрицать, что общее впечатлѣніе, къ которому сводятся явленія Бога, въ Ветхомъ Завѣтѣ есть впечатлѣніе строгаго; Богъ является здѣсь отпущающимъ за беззаконія людей, раскаявающимся въ сотвореніи

¹⁾ Р. 557.

²⁾ Р. 573.

ихъ, является какъ огонь подаяй. Но соблюдая одно изъ необходимыхъ условій правильного историческаго познанія, соблюдая перспективу, мы самой исторической правдой вынуждаемся признать, что Богъ Отець является въ Ветхихъ Заветѣхъ, какъ Богъ милосердой любви, которая при тогдашнихъ условіяхъ, въ сферѣ ветхо-заветныхъ людей должна была для своей дѣятельности выражаться не столько въ формахъ нѣжныхъ и мягкихъ, соответственныхъ ея собственному существу, сколько въ формахъ соответственныхъ жестокости людей, по которой они могли лишь профанировать нѣжное проявленіе божественной любви; съ другой стороны ихъ воля слишкомъ еще была груба и упорна, чтобы слушаться мало оцутительныхъ возбужденій къ нравственной дѣятельности. Вообще же нужно сказать, что далеко не безопасно приучать дѣтей составлять представленія о Божествѣ по одной внѣшности Его явленій въ исторіи. Если и невозможно совсѣмъ устранить такъ называемый антропоморфизмъ въ представленіи о Божествѣ, при какомъ бы то ни было способѣ изложенія св. исторіи, то во всякомъ случаѣ нельзя рекомендовать такой способъ, который менѣе всего благоприятенъ для устраниенія означенной трудности. — Относительно *воспитательной идеи* полагаемой нѣкоторыми въ основаніе св. исторіи нужно сказать, что это обращеніе св. исторіи въ нравственную педагогику послѣдовательно проведено лишь Лессингомъ ¹⁾, съ тою однакоже предвзятою цѣлію, чтобы съ св. исторіи и вообще съ христіанскаго воззрѣнія снять положительный догматическій смыслъ; но эта попытка представляетъ лишь моментъ въ одностороннемъ развитіи педагогики и обращать его въ послѣднее слово ея нѣтъ никакихъ основаній. Въ другихъ же педагогическихъ сочиненіяхъ, а равно и учебникахъ по св. исторіи, въ основу которыхъ подагалась иногда нравственно-воспитательная идея, она

---

¹⁾ Erziehung d. Menschengeschlechtes, oder d. Entwicklungsgang der religiösen Idee vom Judenthume zum Christenthume... Herausg. v. Dr. Maass. Berlin. 1862.

не проводится съ полною послѣдовательностью, но высказывается больше въ видѣ впечатлѣвій, которыя оставляютъ по себѣ изображаемая въ св. исторіи высоко-правственныя отношенія Бога къ людямъ. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ статья архіепа. Темпля подъ заглавіемъ: „Воспитаніе міра“. По-скольку она намъ извѣстна¹⁾, ея задача не ограничивается собственно одной священной исторіей; цѣль ея—оправдать въ сущности не новую мысль, что въ развитіи своемъ историческое воспитаніе человѣческаго рода проходить тѣ же фазисы, какъ и воспитаніе каждаго отдѣльнаго человѣка; эти фазисы суть—обузданіе посредствомъ внѣшняго закона, воспитаніе посредствомъ примѣра, руководство разумными началами. Кромѣ указанныхъ нами не-твердыхъ сторонъ въ обработкѣ осмотрованныхъ прагматическихъ способовъ построенія св. исторіи, всѣ они болѣе или менѣе страдаютъ а) недостаткомъ послѣдовательнаго проведенія ихъ идей, даже у тѣхъ авторовъ, которые наиболѣе твердо помнятъ о своей идеѣ при обработкѣ учебника, и б) недостаткомъ педагогическаго именно проведенія извѣстной идеи, которое болышею частію ограничивается лишь логическою стороною дѣла. Оформивъ священно-историческіе рассказы сообразно съ излюбленной идеею, дидактологъ думаетъ, что этого одного и достаточно.

Что касается подбора этихъ рассказовъ, составляющихъ содержаніе учебниковъ по св. исторіи, то это дѣло остается далеко не независимымъ отъ началъ того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ извѣстный дидактологъ, о чемъ, по другому поводу, отчасти говорено было уже нѣсколько раньше. Тѣ дидактологи, которые признаютъ за источныя начала вѣры и св. писаніе и св. предавіе, согласно съ ученіемъ своей церкви, само собою разумѣется, даютъ иное содержаніе учебникамъ по св. исторіи, чѣмъ признающіе одно лишь св. писаніе. Въ католическихъ учебникахъ помѣщаются часто длинныя рассказы о

¹⁾ См. Голлверъ: Jahrbuch d. Vereins f. wissenschaftliche Pädagogik. III, 160.

священно-историческихъ лицахъ и событіяхъ, основанные на преданіи. Для протестантовъ кажутся неумѣстными подобныя пополненія библейскихъ повѣствованій. Одинъ изъ нихъ съ большимъ порицаніемъ относится къ Штерну за внесеніе имъ въ свой учебникъ разказовъ о томъ, „что небо имѣетъ три дѣленія; что до потопа не было дождя; не было вредныхъ травъ; что змѣй въ раю имѣлъ ноги, слѣды которыхъ можно видѣть еще и теперь“ ¹⁾ и т. д. Но этого мало; протестанты относятся неодобрительно и не къ такимъ разказамъ, а напримѣръ и къ разказу о сотвореніи ангеловъ и объ отпаденіи одной части ихъ отъ Бога до согворенія челоуѣка, что не только согласно съ толкованіями св. отцовъ, но чрезъ что устраняются важныя затрудненія, напр. въ разсужденіи появленія въ раю змія искусителя: но означенный разказъ не переданъ въ библейскомъ повѣствованіи и потому лютеранскіе дидактологи высказываются противъ внесенія его въ учебники по св. исторіи. Впрочемъ едва ли они сами остаются вѣрными своему началу относительно св. писанія, какъ единственнаго источника. Не говоря уже о томъ, что они иногда помѣщаютъ въ своихъ св. исторіяхъ разказы изъ книгъ, по ихъ вѣрованію апокрифическихъ (напр. Товита),— они заимствуютъ нѣчто и изъ гражданскихъ историковъ, когда наприм. пересказываютъ о послѣднихъ временахъ ветхо-завѣтной исторіи. За то въ другомъ отношеніи они доводятъ свою послѣдовательность до конца. Ихъ признаніе одного св. писанія за единственный источникъ вѣры давно уже привело ихъ къ ограниченію формъ изложенія учебниковъ по св. исторіи единственно формою библейскаго языка и за немногими исключеніями они и доселѣ твердо держатся этого правила. Есть, правда, дидактологи, которые библейскій языкъ считаютъ обязательнымъ не для всѣхъ безусловно разказовъ. Одни требуютъ его лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда передаются изрѣченія самого Бога, вопрошающаго напр. Каина, или—слова Спасителя,—также отвѣты на

---

¹⁾ Päd. Jahresbericht. III, 317.

Его вопросы напр. разслабленнаго и т. д. ¹⁾; другіе — въ тѣхъ случаяхъ, когда разсказывается исторія, которая имѣетъ особенно важное значеніе въ ходѣ божественнаго домостроительства ²⁾, или которая особенно способна къ воздѣйствію на религіозную жизнь дѣтей ³⁾; третьи требуютъ библейскаго языка во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда изъ исторіи выводится высокая нравственная идея, или когда извѣстное библейское повѣствованіе имѣетъ догматическое значеніе, и право свободной рѣчи предоставляють только при изложеніи тѣхъ разсказовъ, которые служатъ переходомъ къ послѣдующимъ или связующимъ моментамъ ⁴⁾. Но эти умѣренные составляютъ исключеніе. Общее правило у лютеранъ то, что св. исторія должна быть изложена библейскимъ языкомъ; его именно держится наибольшая масса лютеранскихъ учебниковъ ⁵⁾; оно прямо поддерживается узаконеніями по учебной части ⁶⁾; оно наконецъ составляетъ отличительную черту руководствъ общеупотребительныхъ, имѣющихъ сотни изданій ⁷⁾,

¹⁾ *Ib.* XXIX, 94; *Fr.* Vormbaum, Die bibl. Geschichte in d. evangelischen Elementarschule. Gütersloh. p. 28.

²⁾ *J.* Jahresbericht XI, 9.

³⁾ *Ib.* XII, 8. 599.

⁴⁾ *Ib.* XV, 66.

⁵⁾ *Ib.* IV, 327; VI, 377; XI, 380 f.; XII, 36; XIII, 16; XIV, 54; XIV, 53, ср. XVII, 59; XV, 69; XVII, 46; XXI, 144; XXVI, 83; XVII, 59. 60; *Fr.* Vormbaum, 19; Schulze, 233; Bähring, II, 71. *Gesch.* I, 13, ср. pag. X и мн. др.; см. еще перечень у Zetzschwitz pag. 123, гдѣ впрочемъ нѣкоторые изъ авторовъ учебниковъ отчасти совпадаютъ съ процитованными у насъ, отчасти подразумѣваются у насъ въ «и мн. др.», подъ коими разумѣются книги, читанныя нами in extendo, тогда какъ о помѣченныхъ *P.* Jahresbericht мы имѣемъ свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ.

⁶⁾ Напр. Lehrpläne d. Volksschule für Knaben Bremerhaven, Zusgetzt v. Ittig. 1869, p. 6; Normallehrplan für d. einklassige V.-Schule (утвержд. еванг. синодомъ Виртемб. 1870 г.), pag. 32; *P.* Jahresbericht, XVI, 629; особ. «Die drei Preuss. Regulative...», p. 20, 66. Читатель знаетъ, что эти регулятивы не только съ 1854 по 1872 г. были закономъ въ Пруссіи, но и были образцомъ для множества германскихъ государствъ.

⁷⁾ Именно Цана (второго Гюбнера), Прейса, Отто, Раушенбуша, О. Шульце и отчасти Моргенбесера.

такъ что Цецвиць имѣлъ основаніе называть это явленіе установившимся въ протестантскомъ мірѣ ¹⁾, хотя, какъ увидимъ нѣсколько ниже, не всё изъ новѣйшихъ протестантскихъ дидактологовъ относятся къ нему съ одинаковымъ сочувствіемъ. Строгость, съ какой соблюдается консервативно-лютеранскими дидактологами вѣрность „библейскому слову“ (Bibelwort), обнаруживается въ удержаніи ими въ ихъ учебникахъ по св. исторіи даже частицъ библейскихъ „и“ и „но“, — чтобы не вносить другихъ связующихъ частицъ собственнаго изобрѣтенія ²⁾. Не лишено характеристическаго значенія то, что лютеранами считается за грѣхъ уклоненіе писателя отъ библейскаго языка. Очень понятно, когда они возстаютъ противъ такого не точнаго перевода извѣстныхъ словъ Спасителя о питаніи словомъ божественныхъ устъ (Мф. IV, 4), какой встрѣчается у одного саксонскаго автора (Шульмана), который позволилъ себѣ перевести означенныя слова такъ: „человѣкъ можетъ поддерживать себя не хлѣбомъ однимъ, но всёмъ, что Богъ опредѣлилъ для его питанія“ ³⁾. Понятно также, если они возстаютъ противъ замѣны библейскаго повѣствованія: „и случилось, когда они были на полѣ, возсталъ Каинъ противъ брата своего Авеля и поразилъ его до смерти“ такимъ грубо-угловатымъ рассказомъ: „Каинъ взялъ толстую дубину и схоронилъ ее подъ свое платье. Потомъ побѣжалъ въ поле и прежде всего оглядѣлся вокругъ — не видятъ ли кто. И такъ какъ онъ думалъ, что никто не видитъ, то, вынувъ изъ-подъ платья дубину, поразилъ ею своего брата въ голову, такъ что тотъ мгновенно умеръ“ ⁴⁾. У того же автора встрѣчаются и другія неудачныя замѣны въ родѣ слѣдующихъ: вмѣсто „и ваши снопы преклонились предъ моимъ“ — „и ваши снопы сдѣлались слугами моего“, или вмѣсто: „ты можешь вкушать отъ всѣхъ деревьевъ рай...“ — „благій Богъ далъ человѣку въ пищу яблоки.

¹⁾ Pag. 121.

²⁾ Напр. P. Jahresbericht, XXVIII, 65, 73.

³⁾ Schulblatt d. Provinz Brandenburg, herausg. v. O. Schulze, X, 522.

⁴⁾ Fr. Vormbaum, p. 20.

груши, сливы...“ и т. д. ¹⁾). Но строгіе лютеранскіе дидактологи неодобрительно относятся къ внесеніямъ въ св. исторію и такихъ поясненій какъ напр. „Авраамъ (предъ жертвоприношеніемъ Исаака) не безпокоялъ своего сына ни однимъ словомъ“, или къ прибавкѣ къ евангельскому разсказу о богатомъ юношѣ назиданія: „какъ прекрасно имѣть возможность сказать себѣ, что соблюдалъ божественныя заповѣди“ ²⁾). Образцомъ строго лютеранскаго изложенія св. исторіи считается у протестантовъ изложеніе, до послѣдней степени совпадающее съ библейскимъ слововыраженіемъ. Въ качествѣ основанія, почему лютеранскіе дидактологи придерживаются такъ строго библейскаго языка при изложеніи св. исторіи, приводятся ими обыкновенно то, что божественное откровеніе сообщаетъ намъ свѣдѣнія въ опредѣленномъ словѣ, и поэтому библейская исторія должна быть разсказана библейскимъ языкомъ ³⁾). Но при этомъ упускается изъ виду то обстоятельство, что Библия не есть учебникъ для дѣтей; только въ томъ случаѣ, еслибъ она была написана съ этою именно специальною цѣлю, могъ бы быть оправданъ буквализмъ при передачѣ всѣхъ библейскихъ повѣствованій въ св. исторіи. Безспорно, что *для протестанта* изложеніе св. исторіи не библейскимъ словомъ „не имѣло бы надлежащей точки опоры и какой либо опредѣленной формы“ ⁴⁾; безспорно также и то, что *для протестанта* „выраженіе религіознаго въ оболочкѣ, чуждой языку писанія, измѣняетъ, смѣшиваетъ, спутываетъ излагаемый фактъ“ ⁵⁾). Нельзя отрицать и того, что, усвоивъ изложенныя библейскимъ языкомъ учебники по св. исторіи, ученики тѣмъ самымъ приучаются къ богословскому

¹⁾ Id. 21, 20; см. образчики такого же шуряма въ Reuter's, Repertorium i. theolog. Literatur, VII, 251.

²⁾ Rheinische Blätter, herausg. v. A. Diesterweg, XXV, 351.

³⁾ Это требованіе высказывается и въ законодательныхъ прус. «регулятивахъ»—D. drei Pr. Regul., p. 66.

⁴⁾ P. Jahresbericht IX, 73.

⁵⁾ Seisen, Über religiöse Erziehung u. ab. Religions Unterricht in den Volksschulen. Karlsruhe. 1871. p. 23.

библейскому языку ¹⁾; но съ точки зрѣнія дидактики всѣ эти основанія недостаточны. Не одинъ конечно изъ протестантскихъ дидактологовъ трудился надъ подборомъ и другихъ основаній. Ригеръ напр. ссылается на свой 29-ти лѣтній опытъ, который показалъ ему, что нѣтъ способа, такъ умѣющаго говорить дѣтской душѣ, какъ способъ самаго источника разсказа ²⁾. Другіе указываютъ на безыскусственность и силу библейскаго языка ³⁾, на красоту и возвышенность его ⁴⁾, на то, что Слова Божія не превзойдетъ никакое человѣческое слово, что языкъ Библии и теперь для дѣтскаго сердца есть простѣйшій, понятнѣйшій и живодѣйственный: такъ какъ явился „въ дѣтскій возрастъ человѣческаго рода“ ⁵⁾ и т. п. Но всѣ эти основанія имѣютъ одинъ общій недостатокъ: они говорятъ не столько о томъ, что въ данномъ случаѣ нужно было бы защищать, сколько — о томъ, чего вовсе и нѣтъ нужды защищать. Они доказываютъ стоящее вѣдъ всякаго сомнѣнія достоинство библейскаго стиля, библейскаго способа изложенія. Но забываютъ, что подражаніе библейскому стилю и дословное воспроизведеніе каждаго отдѣльнаго библейскаго выраженія — не одно и то же, и что безразборчивое сближеніе библейскаго языка съ „повседневной“ дѣйствительностію можно довести и до смѣшнаго. Несомнѣнно, что введеніе библейскаго языка въ лютеранскіе учебники по св. исторіи сначала вызвано было вовсе не предметнымъ употребленіемъ св. исторіи, а другимъ, которое имѣло въ виду не столько дѣло обученія, сколько дѣло утвержденія учащихся въ духѣ лютеранскаго исповѣданія. Между новѣйшими протестантскими дидактологами есть такіе, которые протестуютъ противъ крайняго буквализма и взамѣнъ буквального воспроизведенія библейскихъ текстовъ требуютъ наилучшаго выраженія въ св. исторіи

¹⁾ Rb. Blätter, IV, 28.

²⁾ Päd. Repertorium за 1873, pag. 67.

³⁾ Ballien, VI, 360.

⁴⁾ Берлянгъ: Bibl. Gesch., I, 13.

⁵⁾ Вилле: Brandenburg. Sch.-blatt., X, 521.

библейскаго *духа* ¹⁾). Въ этомъ случаѣ требуется отъ изложенія св. исторіи лишь возможное приближеніе къ *тому* библейскаго разсказа, къ характеру библейскаго стиля ²⁾, а не введеніе въ нее всѣхъ библейскихъ оборотовъ рѣчи и отдѣльныхъ выраженій. Защитники этого послѣдняго метода говорятъ, что буквальный методъ больше обезпечиваетъ точное соотвѣтствіе св. исторіи находящемуся въ Библии: но противъ этого справедливо замѣчаютъ, что замѣна напр. библейскихъ словъ: „Авраамъ имѣлъ много скота“ словами: „Авраамъ имѣлъ много овецъ, много коровъ и много верблюдовъ“, не повредить точному соотвѣтствію съ библейскимъ языкомъ ³⁾. Удерживая твердое различіе между языкомъ въ смыслѣ словъ и языкомъ въ смыслѣ стиля, нѣкоторые изъ новѣйшихъ дидактологовъ затрудняются съ рѣшительностью отвѣтить на вопросъ, что болѣе подлежитъ осужденію—ненужное ли отклоненіе отъ буквы Писанія, или удержаніе ея и въ тѣхъ случаяхъ, когда она для дѣтей *непонятна* ⁴⁾. Учитель, который нигдѣ не отступаетъ отъ библейскаго языка, по замѣчанію одного нѣмецкаго педагога, походитъ на настора, читающаго заученную на память проповѣдь, который производитъ этимъ на своихъ слушателей вовсе не одушевляющее впечатлѣніе ⁵⁾. Соглашаясь съ этимъ, менѣе ревностные защитники буквы допускаютъ, чтобы при первоначальномъ разказѣ какого нибудь библейскаго событія, учитель былъ предоставленъ своему собственному умѣнью и вдохновенію, и требуютъ, чтобы только при окончательномъ усвоеніи ученикомъ разказаннаго, онъ вкладывалъ содержаніе своего разсказа въ формы библейскаго языка ⁶⁾. Иные плчутъ еще дальше, оставаясь при томъ мнѣніи, что св. исторія должна

¹⁾ Jahresbericht IX, 33; ср. XXIII, 593.

²⁾ Grube, p. 53.

³⁾ Шатце, p. 234.

⁴⁾ Ширенъ: Gedanken über d. Religions-Unterricht d. christlichen Volksschule. Osnabrück, 1872, Aufl. 6, Гере-Гейне: pag. 11; ср. P. Jahresbericht, XXX, 97.

⁵⁾ Франке.

⁶⁾ Напр. P. Jahresbericht XXX, 70.

быть передана библейскимъ языкомъ, они однакоже прямо предостерегаютъ отъ того, чтобы ее не „задалбливали“ и этимъ указываютъ на большую опасность, связанную съ строго буквальнымъ методомъ, — опасность механическаго усвоенія св. исторіи ¹⁾. Имѣя все это въ виду, едва ли можно согласиться съ тѣмъ, будто изложеніе библейскимъ языкомъ есть „завершительный моментъ“ въ историческомъ развитіи формы изложенія св. исторіи ²⁾.

Рационалисты находятъ, съ своей рационалистической точки зрѣнія, существенное препятствіе къ выработкѣ изъ св. историческаго матеріала школьной дисциплины въ „часто рассказываемыхъ въ библ. исторіи событіяхъ, которыя далеко уклоняются отъ обыкновенныхъ дѣйствій силъ природы и которыя называются чудесами“ ³⁾. Если и есть между ними такіе, которые, не смотря на ихъ рационалистическій образъ мыслей, вносятъ въ свои учебники по св. исторіи рассказы о чудесахъ въ подлинномъ ихъ видѣ, то — это лишь исключеніе и нахъ извѣстенъ только одинъ примѣръ въ этомъ родѣ ⁴⁾. Обыкновенно же рационалисты относятся отрицательно къ чудесамъ и разнятся между собою только въ степени отрицанія: крайніе изъ нихъ рѣшительно устраняютъ чудеса изъ св. исторіи, болѣе ранніе изъ нихъ по времени достигали осуществленія своихъ началъ чрезъ простую замѣну всей свящ. исторіи выдуманнми рассказами. По другимъ лучше „исправляютъ“ библейскія повѣствованія, т. е. оставляютъ ихъ, во съ изъятіемъ изъ нихъ всего чудеснаго ⁵⁾; отъ этихъ именно рационалистовъ предостерегаетъ Целлеръ учителей своего времени, когда говоритъ: „учитель да не впадаетъ въ грѣхъ нашего времени, умалчивая изъ близорукаго умяничанія (Vernunftleici) или обходя полноту чудесъ библ. исторіи“ ⁶⁾. Образчикъ дове-

¹⁾ Ib. Prange.

²⁾ Zetzschwitz, p. 120; ср. Jahresber. XXVI, 79.

³⁾ Dinter, Die vorzüglichsten Regeln der Katechetik.... 10. Aufl. 1839. p. 39 § 34.

⁴⁾ Ливидеръ, P. Jahresbericht, XI, 20.

⁵⁾ Ib. XXVIII, 66.

⁶⁾ Ibid. II, 75.

деннаго до конца изъятія чудеснаго изъ св. исторіи представляетъ недавно вышедшій учебникъ Фогеля, гдѣ не остается и того чудеснаго, что у другихъ рационалистовъ обыкновенно остается и при исключеніи ими изъ св. исторіи отдѣльных чудесъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что въ послѣднее время рационалисты проводятъ свое воззрѣніе на чудеса съ полною послѣдовательностью не столько въ учебникахъ, сколько въ теоретическихъ разсужденіяхъ о задачахъ и постановкѣ св. исторіи. По крайней мѣрѣ, первая форма примѣненія къ дѣлу рационалистическаго отношенія къ чудесамъ отжила свой вѣкъ еще въ началѣ нынѣшняго вѣка; вторая также имѣетъ лишь немногихъ представителей; большая популярнось даже въ рационалистическихъ кружкахъ теперь остается не за крайними, а скорѣе за болѣе умѣренными рационалистами. Но если говорить о теоретическомъ проведеніи рационалистическихъ взглядовъ, то надо признать, что усердіе дидактологовъ, принадлежащихъ къ рационалистамъ, по этой части весьма большое. Одни изъ нихъ ставятъ вопросъ стародавняго рационализма: почему въ настоящее время нѣтъ чудесъ ¹⁾. Этимъ хотятъ, нонятно, намекнуть на недостоверность излагаемаго въ Библии чудеснаго элемента. Онъ не есть, говорятъ, что либо дѣйствительно историческое, это де произведеніе фантазіи израильскаго народа ²⁾. Какъ восточный по своему складу, семитическій духъ еврейскій, въ противоположность арійскому, опускаетъ будто бы безъ вниманія посредствующія ближайшія причины и перескакиваетъ прямо къ конечной ³⁾. „У него за при-

¹⁾ Rad. Repertorium за 1879, p. 67.

²⁾ Jahresbericht II, 33; Anw. XXX, 68.

³⁾ Наур. ib. XVII, 12. По поводу этого возраженія одинъ нѣмецкій критикъ (Захсевъ) съ ироніею замѣчаетъ слѣдующее: „Мы говоримъ дѣтямъ, что въ послѣдней войнѣ много нѣмцевъ было убито французами. Позже процессъ этого событія дѣлается имъ яснѣе. Имъ усваиваютъ представленіе о силѣ воспламененнаго пороха, показываютъ оружіе, показываютъ, какъ нудя отъ напора вспыхнувшаго пороха, быстро идетъ наружу и чрезъ проныкновеніе въ тѣло причиняетъ смерть. Если мыслящее дитя теперь вспомнитъ, что прежде онъ слышалъ и считалъ за вѣрное насчетъ причины смерти, то неужели это послѣд-

родю стоитъ Богъ, который каждое мгновение необъяснимымъ образомъ вмѣшивается въ ходъ природы, уничтожая или ограничивая законы ея“ ¹⁾. Но вѣрить въ возможность чудесъ или перерыва законовъ природы значить разрушать вѣру въ божественное міроуправленіе ²⁾. Съ другой стороны указываютъ на то, что если учитель рано вкоренить въ душѣ дитяти представленіе чуда, то это-де поставить его въ прямую противоположность всему его образованію и опыту. „Что должно подумать здравое дитя, умуствуютъ дидактологи-раціоналисты, если послѣ неоднократно имъ самимъ провѣреннаго опыта о невозможности держаться на водѣ стоя, оно вдругъ услышитъ, что на Востокѣ „нѣкто“ прошелъ по водной поверхности, какъ по твердой почвѣ...“ ³⁾. Повѣритъ ли дитя или не повѣритъ—въ обоихъ случаяхъ, по раціоналистической логикѣ, выйдетъ вредъ. Если не повѣритъ чудесному, то чрезъ это поколеблется неизбежно его вѣра и въ самое ученіе, къ которому принадлежитъ возбуждившее въ немъ сомнѣніе ⁴⁾. Если оно будетъ вѣровать въ чудеса, то съ этимъ самымъ оно, уносясь въ другой міръ, болѣе и болѣе будетъ забывать о повседневной дѣйствительности—и разумѣется, какъ полагаетъ раціонализмъ, къ своей невыгодѣ ⁵⁾. Даже тѣ раціоналисты, которые, какъ напр. Де-Ветте, не отвергаютъ въ принципѣ ⁶⁾ и въ частныхъ случаяхъ чуда ⁷⁾, придаютъ имъ однако весьма подчиненное значе-

---

нее должно войти въ столкновение съ его теперешнимъ званіемъ и мышленіемъ, а развитая мыслительная сила отвергнетъ, какъ фальшивое, его первое знаніе—именно, что причиной смерти были французы»—ib. XXIV, 258.

¹⁾ Rheinische Blätter, XXVIII, 231.

²⁾ P. Jahresbericht, XXI, 107; XIV, 38.

³⁾ Rh. Blatt r in lc.

⁴⁾ Dinter. Anweisung, I, 215.

⁵⁾ Päd. Repertorium lc.

⁶⁾ P. 13.

⁷⁾ Напр. чудеса рождества Христова и совершенныя Спасителемъ, pp. 92. 99 ff. Относительно послѣднихъ Д.-В. говоритъ (p. 12), что въ нихъ въ области тѣлесной природы «отражается то, чрезъ что Христосъ есть Спаситель—

ше¹⁾ и находятъ, что они въ большей части имѣютъ смыслъ не по вѣншей, а лишь по внутренней своей сторонѣ. По мнѣнію Де-Ветте, чудеса, рассказываемыя о пр. Или, имѣютъ лишь то значеніе, что ярче отбѣняютъ противоположность между отпаденіемъ отъ теократіи и ревностію о ней пророка; паденіе Герихонскихъ стѣнъ означаетъ не что иное, какъ быстрое паденіе этой крѣпости предъ оружіемъ Израиля, и выставляется въ св. писаніи какъ дѣйствіе вѣры въ побѣдоносную силу Бога защитителя²⁾. Возрѣніе Де-Ветте нашло себѣ послѣдователей, и мы въ средѣ дидактологовъ встрѣчаемъ писателей, которые не отрицаютъ безусловно чудесъ, но въ тоже время не держатся буквального пониманія чуда и понимаютъ подъ нимъ рядъ необъяснимыхъ событій, которыя возбуждаютъ изумленіе, которыя нужно совсѣмъ не критизировать, но возводить въ духовному³⁾. У одного изъ извѣстныхъ дидактологовъ насчитывается цѣлыхъ 5 разрядовъ чудесъ, которыя онъ группируетъ по степенямъ ихъ „естественности“. Къ первой категоріи относятся у него: а) чудеса, представляющія дѣйствительное уклоненіе отъ законовъ природы (напр. воскресеніе Христа); б) естественныя явленія, по ошибкѣ будто бы выданныя передавателями за чудеса (возмущеніе воды въ купели Силоамской, яко бы происходившее влѣдствіе натурального броженія); в) дидактическія сказанія, не имѣющія исторической основы (несчастія Іова, приписываемыя сатанѣ); д) естественныя явленія и дѣйствія, передаваемыя за таковыя и писателемъ, но перетолкованныя въ смыслъ чудесъ читателями (дерево, положенное Моисеемъ для исправленія негоднаго источника); е) поэтическія, образно выраженные сказанія о естественныхъ фактахъ и событіяхъ (паденіе Герихонскихъ стѣнъ)⁴⁾.

именно духъ свободы, чрезъ который Онъ разрѣшилъ высшую задачу правдственности побѣдилъ плоть, грѣхъ и смерть.

¹⁾ Р. 13 f. Anw.

²⁾ Ib. 73, 59, 61, 51, 55 и др.

³⁾ Р. Jahresbericht, XXVII, 53; XV, 34; XIX, 45.

⁴⁾ Динтеръ: Anweisung, I, 210—12.

Христіанство, говорятъ рационалисты описываемаго сорта, необходимо допускаеть и признаеть чудо—Откровеніе есть первое чудо въ которое христіанинъ долженъ вѣровать ¹⁾). Но ненужное увеличеніе чудесъ вовсе не есть ни христіанство, ни правовѣрность; продолженіе дня, въ который І. Навинъ побѣдилъ своихъ враговъ, не составляетъ существеннаго чего нибудь религіи, точно также и разговоръ Валаама со своей ослицею ²⁾). Съ другой стороны вѣра дитяти не будетъ прочно обезпечена, если ему будетъ внушено въ школь, что І. Христосъ есть Сынъ Божій *только* потому, что Онъ творилъ чудеса ³⁾). Наконецъ у рационалистовъ встрѣчаются нерѣдко ссылки на самое св. писаніе въ доказательство ихъ мнѣній о чудесахъ, напр. на тѣ изреченія І. Христа, въ которыхъ осуждается ижеканіе чудесъ: Мѡ. XII, 38—42; XVI, 1—4; Марк. VIII, 10—13; Луки XI, 29—36 ⁴⁾),—на примѣръ Іоанна Крестителя, который не сотворилъ ни одного знаменія, и однако онъ, по изреченію Іисуса Христа, есть боліе всѣхъ пророковъ ⁵⁾),—на слова Ап. Павла (1 Кор. XIII) и т. под. ⁶⁾). (Въ виду этихъ и подобныхъ мнѣмыхъ основаній, учителю по св. исторіи умѣренные рационалисты рекомендуютъ, не касаясь главныхъ и существенныхъ для вѣры чудесъ, второстепенныя объяснять естественно, гдѣ это возможно безъ крайнихъ натяжекъ ⁷⁾). Иные изъ нихъ, понимая фальшивость такого отношенія къ дѣлу ⁸⁾ и обращая вниманіе на то, что кромѣ чудесъ, допускающихъ, хотя бы то и съ помощію очевидныхъ натяжекъ, естественное объясненіе, въ св. писаніи весьма часто упоминаются такіа чудеса, дать которымъ естественное объясненіе рѣшительно невозможно, не расходясь самымъ вопіющимъ

¹⁾ Р. 213.

²⁾ Anweisung, I, 214.

³⁾ Ib. p. 215.

⁴⁾ Ib. p. 113.

⁵⁾ Ib. p. 216.

⁶⁾ Die vorzüglichsten Regeln d. Katechetik, 40, § 43.

⁷⁾ Anweisung, I, 214.

⁸⁾ Katechetik, 39, 33.

образомъ съ требованіями экзегетики и исторической справедливости¹⁾),—совѣтуютъ лучше оставлять вниманіе дѣтей на томъ, что существенное въ религіи вообще и въ христіанствѣ въ особенности совѣмъ будто бы независимо отъ чудесъ²⁾. Однако большинство рационалистовъ не слушаетъ этого тоже не мудраго — совѣта и считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ сидѣть между двухъ стульевъ съ своимъ натурализovanіемъ чудесъ, и, надо сказать, попадаетъ въ довольно комическое положеніе. У одного изъ нихъ напрямѣръ мы читаемъ, что ослица Валаамова въ дѣйствительности не говорила; но дѣло въ томъ, что когда Валаамъ ударялъ ее падающую на землю, то звукъ жалобы, издаваемый животнымъ, съ которымъ такъ дурно обошлись, для его духовнаго слуха показался человѣческой рѣчью³⁾. У другаго (Рейнике) въ разсказѣ о потопѣ съ худо скрытою цѣлю замѣчается: неотразимое естественное стремленіе побуждало животныя пары искать спасенія въ ковчегѣ. Но почему это неотразимое естественное стремленіе, свойственное всѣмъ животнымъ парамъ, побудило однако войти въ спасающій ковчегъ только по одной парѣ; почему это стремленіе не побудило сильныхъ животныхъ завоевать себѣ болѣе мѣста насчетъ слабыхъ; почему наконецъ человѣкъ завоевалъ себѣ такъ мало мѣста,—до всего этого автору нѣтъ никакаго дѣла. Одинъ критикъ замѣтилъ по этому поводу, что библейскій разсказъ о потопѣ возбуждаетъ гораздо менѣе вопросовъ, чѣмъ эта поправка его въ духѣ „естественности“⁴⁾),—и справедливо даже съ точки зрѣнія рационалиста.

Если бы извѣстный нѣмецкій дидактологъ Диптеръ, котораго нѣмцы называютъ „школьнымъ монархомъ“ и отцомъ ихъ учительскихъ семинарій, но который не мало способствовалъ проведенію рационализма въ педагогику, имѣлъ возможность сообразить всѣ

¹⁾ Ib. § 40.

²⁾ Ib. § 41.

³⁾ Шаербергъ: P. Jahresbericht, XXIX, 110.

⁴⁾ Фельсбергъ: ib. XXX, 95, ep. XXI, 143.

послѣдствія, къ которымъ привело дидактологовъ рационализированіе по интересующему насъ вопросу, то онъ встрѣтилъ бы косвенный упрекъ себѣ. Болѣе безпристрастные и менѣе зараженные духомъ рационализма новѣйшіе дидактологи, по чисто дидактическимъ основаніямъ, независимо отъ догматическихъ, философскихъ и другихъ соображеній, даютъ теперь, хотя иногда нѣсколько робкое, заключеніе въ пользу изложенія въ св. исторіи разсказовъ о чудесахъ и притомъ въ буквальномъ ихъ смыслѣ. Совѣтуя передавать ихъ, какъ они описаны въ Библіи, Диттесъ требуетъ лишь, чтобы ихъ не доказывали ¹⁾. Зейзенъ предостерегаетъ лишь отъ пользованія ими въ школахъ съ догматическими цѣлями ²⁾. Противъ тѣхъ дидактологовъ, которые требуютъ, чтобы преподаватели св. исторіи разсказывали дѣтямъ объ однихъ лишь чудесахъ любви Божіей и обходили чудеса Божія всемогущества ³⁾, высказывается справедливое замѣчаніе у Шитце, что новозавѣтныя чудеса нагляднѣйшимъ образомъ обнаруживаютъ и могущество Спасителя вмѣстѣ съ Его сострадательною любовію, какъ напр. всѣ чудесныя исцѣленія. Въ евангельскихъ повѣствованіяхъ объ этихъ чудесахъ часто поразительнымъ образомъ выступаютъ предъ дѣтями семейное горе въ различныхъ его видахъ, семейная любовь, безуспѣшно ищущая помощи, наконецъ семейная радость о чудесно полученной высшей помощи. Самъ впрочемъ Шитце неосновательно исключаетъ изъ низшей ступени обученія разсказы о нѣкоторыхъ чудесахъ, напр. о карательныхъ дѣйствіяхъ божественнаго всемогущества, также объ исцѣленіяхъ бѣсноватыхъ ⁴⁾ и т. под. Шерръ полагалъ бы, что ветхозавѣтныя чудеса, какъ не составляющія, по его мнѣнію, существенной части библ. разсказовъ, можно обойти; но чудеса Спасителя, совершенныя для утѣшенія страждущаго

¹⁾ Ueber Religion u. religiöse Menschenbildung. Plauen. 1855, p. 168.

²⁾ P. 95.

³⁾ Зейфартъ въ V изд. энциклопедія Дистервега: II, 43.

⁴⁾ p. 227.

человѣчества, по словамъ автора, мы не имѣемъ права отнимать у дѣтей, а глубоко мыслящіе учителя видятъ, что естественное объясненіе этихъ чудесъ особенно дѣтямъ совсѣмъ неумѣстно ¹⁾. Шпрень рисуетъ интересный образецъ того, какъ учитель-раціоналистъ проводить такое мнимо естественное объясненіе, искусственно поднимая дѣтей выше ихъ уровня и серьезно заставляя ихъ резонировать до смѣшного. Вотъ образецъ такого резонированія. Учитель спрашиваетъ: что вѣроятно дѣйствовало на Черномъ морѣ при переходѣ Евреевъ? Ученикъ долженъ отвѣтить: вѣроятно восточный вѣтеръ и отливъ. Учитель: какъ поэтому нужно смотрѣть на то, что вода направо и налево стояла стѣною? Ученикъ: какъ на невозможность. Учитель: почему? Ученикъ: потому что вода есть жидкое тѣло, которое имѣетъ естественное стремленіе всегда находится въ равновѣсіи. Учитель: вы правы, дитя; то, что Библия говоритъ о водяныхъ стѣнахъ, нужно понимать образно. Карль Шмидтъ относительно переводчиковъ „сеMITической“ формы сваящ. исторіи на „іафетовскую“ или арійскую говоритъ въ разсужденіи собственно ихъ отношеній къ чудесамъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло а) съ возрожденіемъ стараго раціонализма, который однако наукой уже осужденъ и б) съ рѣшительнымъ непониманіемъ, что для дѣтей чудо „любимѣйшее дитя вѣры“ ²⁾. Вышеупомянутый швейцарскій дидактологъ Шерръ, касаясь вопроса о чудесахъ въ принципѣ, находитъ нужнымъ настаивать на томъ, что дѣйствительная религія въ дѣтствѣ есть религія чудесъ. Эту мысль онъ проводилъ всегда и въ сочиненіяхъ и въ учительской практикѣ; онъ очень хорошо знаетъ, что въ послѣдніе годы явился противоположный взглядъ, однако же считаетъ его неоправданнымъ ³⁾. Есть наконецъ дидактологи, которые прямо предъявляютъ требованіе, чтобы, при выборѣ изъ Библии разказовъ для первой ступени обученія, были выбираемы

¹⁾ Thom. Scherr, Leichtfassliches Handbuch. d. Pädagogik. 2 Aufl. 1847. I, 532 f.

²⁾ Zur Erz. u. Relig., pp. 236—8.

³⁾ Scherr., II, 116 f.

нагляднѣйшіе изъ нихъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ должны заключать въ себѣ много таинственнаго и чудеснаго ¹⁾). Нужно замѣтить, что здѣсь приводятся нами мнѣнія о чудесахъ лишь только тѣхъ дидактологовъ, которые относятся къ представителямъ предметнаго употребленія св. исторіи. Что касается безпредвзятаго чисто дидактическаго пользованія ею, то оно прямо способствуетъ удержанію чудесъ. Тенденціозно-предметное употребленіе ея, въ лицѣ болѣе умѣренныхъ дидактологовъ изъ рационалистовъ-матеріалистовъ, больше склонно въ данномъ случаѣ къ „умѣренному либерализму“, т. е. къ натяжкамъ естественнаго способа объясненія чудесъ. Прагматическое употребленіе св. исторіи, съ прямо отрицательною тенденціею, находится въ прямо недружелюбныхъ отправленіяхъ къ чудесамъ уже потому, что по отличающимъ его основнымъ особенностямъ оно склонно вездѣ видѣть и слѣдить одну лишь естественную причинность и послѣдовательность, склонно къ детерминизму, къ тому что прямо исключаетъ чудеса. Но съ другой стороны безспорно есть въ ряду иностранныхъ представителей предметнаго употребленія св. исторіи и такіе, которые обращаютъ вниманіе не на одинъ лишь матеріалъ обученія, а и на его усвоителей, — на дѣтей. Эти послѣдніе отдають полное значеніе и сложности дѣтей къ чудесному. Къ числу послѣднихъ относятся многіе изъ послѣдователей Гербартовой философіи, которые не отрицають чудесъ бывшихъ въ природѣ и исторіи; не забываютъ о нравственной правдѣ свойственной чудесамъ, какъ превышеніямъ обычнаго порядка естественной причинности, разрѣшеніе котораго однимъ естественнымъ путемъ не всегда согласовалось бы съ нравственнымъ закономъ; наконецъ не забываютъ и о рѣшительной условности божковъ повѣйшаго времени, именуемыхъ „неизмѣнными“ законами природы.

Изъ библейскихъ повѣствованій, вводимыхъ въ учебники священной исторіи, служатъ предметомъ споровъ и пререканій между новѣйшими дидактологами еще тѣ повѣствованія, въ которыхъ содер-

¹⁾ Ковленицъ: P. Jahresbericht, XXV, 101.

жятся изображенія темныхъ сторонъ человѣческой жизни. Подъ темными сторонами прежде и болѣе всего разумѣютъ тѣ, которыя „у насъ, при нашемъ складѣ возрѣвнiя, въ противоположность восточному, иногда затрогиваютъ чувство стыдливости“ ¹⁾. Вопросъ о нихъ поднять на западѣ уже давно и именно въ педагогической области; первое относящееся сюда свѣденiе мы находимъ въ школьныхъ законоположенiяхъ (первой половины XVII-го вѣка) ²⁾. При первоначальномъ возбужденiи этого вопроса имѣлись въ виду собственно не учебники по св. исторiи, а чтенiя въ школахъ Библии, изъ которыхъ упомянутыми законоположенiями рекомендуется выпускать извѣстныя (прямо перечисленныя) мѣста. Затѣмъ и въ дальнѣйшее время, вплоть до настоящаго, этотъ вопросъ по прежнему касается преимущественно чтенiя библии въ школьныхъ классахъ; мы и теперь встрѣчаемъ тѣ же толки объ изыятiи изъ нея опасныхъ якобы для дѣтей мѣстъ ³⁾; до сихъ поръ подобныя мѣста выставляются основанiемъ для составленiя даже особой „школьной библии“ ⁴⁾. При разсужденiяхъ по данному вопросу одни предлагаютъ сохраненiе тѣхъ мѣстъ, которыя не сопровождаются подробнымъ описанiемъ разсказываемаго въ нихъ порочнаго дѣла или желанiя ⁵⁾; другiе находятъ возможнымъ допустить чтенiе этихъ мѣстъ только на классахъ библейскаго чтенiя, а не на урокахъ по св. исторiи ⁶⁾. Изъ послѣдняго ограниченiя ясно видно, что, касаясь преимущественно класснаго чтенiя библии, разсматриваемый вопросъ вмѣстѣ касается и дѣла преподаванiя св. исторiи ⁷⁾. Что касается поводовъ, вызвавшихъ и поддерживающихъ постановку

¹⁾ Seyfarth in Diesterweg's Wegweiser, Aufl. 5, II, 42.

²⁾ Vormbaum, Ev. Sch. Ordnungen, II, 141, 347.

³⁾ Напр. P. Jahresbericht II, 34.

⁴⁾ Напр. Kehr, Religunt. I, 43; P. Jahresbericht, XXI, 99, 100.

⁵⁾ Напр. ib. XXIII, 188.

⁶⁾ Г. Гейне: ib. XIV, 41.

⁷⁾ При этомъ впрочемъ нужно оговориться, что сюда же относятся 7-я и 10-я заповѣди, поскольку они относятся къ разсказу о синайскомъ законодательствѣ.

этого вопроса въ сферѣ, касающейся преподаванія св. исторіи, то, кромѣ неразборчивости нѣкоторыхъ дидактологовъ, въ выборѣ изъ Библии матеріала для учебниковъ по св. исторіи, при этомъ имѣли значеніе нѣкоторыя явленія, иногда встрѣчавшіяся въ школьной практикѣ. Учителямъ, не обдумавшимъ напередъ предметъ чтенія изъ библии на классѣ св. исторіи, приходилось иногда прерывать или совсѣмъ останавливать читающаго при встрѣчѣ съ упомянутыми мѣстами ¹⁾; учениковъ интересуютъ подобныя распоряженія и они про себя прочитываютъ на досугъ запрещенный предметъ тѣмъ съ болѣе подстрекуемымъ любопытствомъ, чѣмъ болѣе высказалось у наставника смущенія и недосказанности ²⁾; нѣкоторые учителя, послѣ бѣгло прочтенія ученикамъ разказа о „темной какой нибудь сторонѣ“ человѣческой жизни, заставляли его высказать рѣзкое ея осужденіе; но чрезъ нѣсколько дней въ подобныхъ случаяхъ осужденіе забывается, а фактъ остается въ памяти ³⁾. Изъ приведенныхъ фактовъ, какъ болѣе или менѣе случайныхъ, повидимому не вытекаетъ съ логическою необходимостью тотъ результатъ, къ какому пришли по поводу ихъ заграничные педагоги. Но видно вообще за границей не располагаютъ большимъ числомъ такихъ учителей, которые и самыми темными сторонами человѣческой жизни пользовались бы для нравственнаго вліянія и назиданія; которые бы, т. е. не показывая виду, что имъ какъ будто не извѣстно знакомство многихъ учениковъ съ чѣмъ бы не слѣдовало, почерпнутое изъ вѣтшкольнаго опыта, при встрѣчѣ въ св. исторіи съ фактомъ, по характеру аналогичнымъ съ извѣстнымъ уже ученику изъ другихъ источниковъ, умѣли бы такъ высказать свое нравственное нежеланіе даже заниматься обсужденіемъ подобнаго факта, чтобъ это учительское слово могло послужить для дѣтской души крѣпкой и прочной оградой отъ со-

---

¹⁾ Haup. Brandenb. Sch.-blatt, VII, 192.

²⁾ Schüren, p. 51.

³⁾ Dinter, Anweisung. I, 85; P. Jahresbericht, IX, 15.

блжна. Такъ какъ подобныхъ учителей повидимому не много, въ средѣ заграничныхъ преподавателей св. исторіи, то отсюда происходитъ, что рѣшительное большинство тамошнихъ дидактологовъ такъ или иначе старается объ изытаніи имѣющихся въ виду фактовъ изъ учебниковъ по св. исторіи, и подобно тому, какъ Рихтеръ оправдывалъ появленіе своего учебника увлеченіемъ громаднаго количества существовавшихъ до него учебниковъ „еврейщиной“, такъ Г. Бауэръ оправдываетъ свой, испещренный изытаніями, учебникъ тѣмъ, что до сихъ поръ на практикѣ мало обращаютъ вниманія на соблазнительные рассказы ¹⁾. Основанія, которыми оправдываютъ изытаніе послѣднихъ, сводятся къ принципиальнымъ и практическимъ; защитники по преимуществу перваго рода основаній ссылаются прежде всего на поучительный урокъ природы, которая-де знала, что дѣлала, когда накидывала покрывало на извѣстныя человѣческія пожеланія, мысли и дѣянія и такимъ образомъ первая сдѣлала *изытаніе* въ своей сферѣ ²⁾. Съ другой стороны придаютъ большое значеніе тому, что та страсть, которая производитъ явленіе темныхъ влеченій, въ дѣтскомъ возрастѣ еще не существуетъ, слѣдов. явленія, производимыя ею, лежатъ внѣ дѣтской сферы и отсюда умозаключаютъ, что рассказывать ихъ дѣтямъ значитъ, съ точки зрѣнія закона естественнаго развитія, давать ученикамъ вмѣсто хлѣба камень ³⁾. Указывающіе по преимуществу на практику говорятъ, что допущеніе въ св. исторію рассказовъ о темныхъ явленіяхъ крайне опасно въ нравственномъ отношеніи для дѣтей ⁴⁾. При этомъ однако же не обращается должнаго вниманія на то, что уже одно убѣжденіе ученика въ принадлежности предметовъ св. исторіи въ религіозной области обезпечиваетъ его отъ предполагаемой нравственной опасности, особенно если это

¹⁾ P. Jahresbericht XIV, 41.

²⁾ Waitz, Allgemeine Pädagogik. 1 Aufl. Braunschweig, 1852, p. 314; P. Jahresbericht X, 27.

³⁾ Dinter, Anweisung. I, 9. 85.

⁴⁾ P. Jahresbericht. I, 27; XXIV, 265; XXVII, 55 и др.

убѣжденіе прочно выѣдрено и умѣло поддерживается въ немъ со стороны преподавателя св. исторіи. Нѣкто Фритцъ Шульце, докторъ философіи, возставалъ противъ св. исторіи и между прочимъ съ мнимо-правственной точки зрѣнія, говоритъ: „изъ своего собственнаго опыта знаю, что не только я, но и мои сотоварищи по школѣ первыя противоправственныя воззрѣнія относительно половыхъ отношеній заимствовали изъ Библіи“¹⁾. Но если и не допускать того, что этотъ нѣмецкій д-ръ философіи вводитъ на самого себя неблазны въ видахъ достиженія успѣха полемиической своей задачи, то въ словахъ его во всякомъ случаѣ повѣрно выражено соотношение между слышанными или заученными имъ мѣстами изъ Библіи и между оказавшимися у него противоправственными воззрѣніями. Извѣстный педагогъ Диттесъ рѣшительно отрицаетъ возможность того, чтобы школа и вообще обученіе могли зародить своими матеріалами воззрѣнія, о которыхъ говоритъ Фр. Шульце; для этого нужны опыты, жизненные впечатлѣнія и толчки; по его словамъ, онъ имѣлъ много случаевъ провѣрять свое мнѣніе, и только разъ онъ замѣтилъ, что одна дѣвочка, въ противоположность другимъ ея сверстницамъ, стѣсняется на урокѣ по закону Божію (ее стѣсняла XXIII гл. пророка Іезекіиля); но, какъ она въ послѣдствіи разувнала, эта дѣвочка была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ крайне неблагоприятной обстановкой, которая привела къ ней недѣтскія званія и воззрѣнія²⁾. Мы не отрицаемъ съ своей стороны, что дѣисловія закона наследственности, которыми Диттесъ, по особенностямъ своего направленія (Беневіанскаго), могъ не придать дѣйствительной цѣны. Нуждаются лишь въ небольшомъ толчокѣ для того, чтобы обнаружиться, и какомунибудь Фр. Шульце дѣйствительно можетъ быть достаточно было услышать короткій разговоръ въ школѣ для того, чтобы отъ этого родилось въ немъ болѣзненное явленіе, которымъ онъ такъ не встаетъ воспользоваться въ кри-

¹⁾ Der Religionsunterricht in Deutschland Schulen. Iena. 1872. pag. 25.

²⁾ 134 г.

тико-полемиическихъ цѣляхъ. Принимая въ расчетъ силу означеннаго закона, а также весьма возможную болѣзненную подготовленность нѣкоторыхъ учениковъ къ воспріятію неправеднаго влѣдствіе внѣшкольной ихъ обстановки, мы не можемъ одобрить безразборчиваго сообщенія дѣтямъ всего, что говорится въ Библии о темныхъ сторонахъ человѣческой жизни, особенно въ виду того, что не всякій учитель съумѣетъ воспользоваться послѣдними для нравственнаго возбужденія и назиданія, какъ объ этомъ сказано выше. Религіозное обученіе не имѣетъ своей спеціальной задачей ознакомлять дѣтей съ патологическими явленіями; въ тѣхъ случаяхъ, когда сообщеніе о такихъ явленіяхъ оказывается нужнымъ, какъ наприм. при разсказѣ исторіи Іосифа ¹⁾, возможна замѣна библ. выраженій ²⁾, а кто подобное средство считаетъ мѣрою, которая можетъ оказаться „обуюдуострою“, тому ничто не хлѣпаетъ избѣгать и ее и наприм. въ исторіи объ Іосифѣ просто говорить, что онъ былъ брошенъ въ темницу по навѣтамъ жены Центефрія. Однако же мы опять принуждены повторить: всему должна быть мѣра.

Оговорки нѣкоторыхъ дидактологовъ, что они — противъ внесенія въ св. исторію „нравственно-опаснаго“, но безъ излишней щепетильности (*Pruderie*) ³⁾, ясно показываютъ, что въ настоящемъ случаѣ очень легко перейти границы. темной стороной человѣческой жизни считать не только беззаконныя движенія плотской страсти, но рѣшительно все, что такъ или иначе можетъ напоминать объ инстинктѣ пола или даже лишь отдаленно относиться къ нему. Есть учебники по св. исторіи, въ которыхъ обходятся не только такія выраженія, какъ „выиграетъ младенецъ во чревѣ“ (хотя эти слова едва-ли когда нибудь и кому нибудь подавали поводъ къ какому нибудь соблазну), но и самое слово „раждать“ ⁴⁾. При

¹⁾ Данверъ: *Anweisung* I, 86.

²⁾ Напр. *P. Jahrbuch* XXX. 117, 16 и др.; ср. *ib.* XVII. 39.

³⁾ Напр. *ib.* XXVII, 68; XXI, 101.

⁴⁾ *ib.* XXIX, 116.

этошь забываютъ, что дѣти множество разъ внѣ школы слышать это слово и рѣшительно безъ всякаго вреда для чистоты своего воображенія. Нѣкоторыхъ дидактологовъ смущаетъ слово „зачинать“ ¹⁾. Ревнуя за „сохраненіе цѣломудрія въ словѣ“, они хотѣли бы изгнать изъ учебниковъ упоминанія о беременности ²⁾. Одинъ нѣмецкій авторъ (Отто Шульце), допустившій это выраженіе въ своемъ учебникѣ, при разсказѣ о грѣхопадѣніи (Быт. III, 16), о рождествѣ І. Хр. (Лук. II, 5) и о бесѣдѣ І. Хр. съ Никодимомъ (Іоан. III, 4) счелъ нужнымъ оправдываться противъ нападокъ на него по этому поводу критиковъ ссылками на разные педагогическіе авторитеты,—на употребленіе этого слова въ Евангелии, на слышаніе его въ церкви и наконецъ на примѣры изъ школьной практики. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ: одного учителя, при объясненіи Евангелія на день Р. Христова, дѣти спросили: что значить „которая была непраздна“ (schwangere) онъ отвѣтилъ: „она должна была родить дитя“ и тѣмъ все кончилось. Упомянутый авторъ высказалъ то мнѣніе, что съ достоинствомъ и коротко передать дѣтямъ въ скромныхъ (unarstossigen) словахъ прямой смыслъ гораздо лучше, чѣмъ вдаваться въ фальшивыя объясненія ³⁾. Такъ какъ означенный авторъ имѣетъ уже твердо установившійся авторитетъ въ педагогической области, то, естественно, его мнѣніе не оставлено было безъ вниманія, причемъ, по его словамъ, громадное большинство высказалось противъ излишняго пурризма; хотя нашлись и защитники послѣдняго, изъ которыхъ одинъ, указывая между прочимъ автору на то, что онъ и самъ избѣгаетъ опасныхъ выраженій въ учебникѣ, обращаетъ его вниманіе на отличіе между школою и церковью, гдѣ торжественность и святость мѣста препятствуютъ слышимому „опасному выраженію“ толкнуть воображеніе на недолжный путь ⁴⁾, какъ будто

¹⁾ Крибичъ: *ib.* XVII, 39.

²⁾ А. Дистервергъ: *Rhein. Blatter.* XXV, 353. Anw. Послѣ этого можно говорить и противъ передачи ученикамъ 7-й заповѣди.

³⁾ *Brandenb. Sch —blatt.* VII, 198—92.

⁴⁾ *ib.* p. 411 f.

школа не есть или по крайней мѣрѣ не должна быть въ своемъ родѣ также священнымъ мѣстомъ. Намъ извѣстны еще двѣ замѣтки по этому же вопросу. Одна изъ нихъ (Рютеника) не имѣетъ, по нашему мнѣнію, значенія. Авторъ стоитъ за пуризмъ, но смѣшиваетъ понятія. Когда онъ говоритъ о какомъ-то сумасбродномъ маіорѣ, который находилъ Шлейермахера еще недостаточно либеральнымъ за то, что тотъ въ обращеніи къ вѣщавшейся „аристократкѣ“ упомянулъ о „рожденіи въ болѣзняхъ чадъ“ и тѣмъ затронулъ, будто бы, въ послѣдней стыдливостъ самымъ сильнѣйшимъ образомъ; тогда онъ говоритъ еще какъ будто объ относящемся къ дѣлу, объ „опасныхъ выраженіяхъ“, вносимыхъ въ учебники. Но когда онъ обращается къ главному своему аргументу, что мы, по слову Спасителя, не должны соблазнять дѣтей, и утверждаетъ, что мы именно соблазняемъ ихъ: читая подобное Римл. I, 26—27; то онъ говоритъ уже не о выраженіяхъ, вносимыхъ въ учебники, которыя пуристамъ кажутся неумѣстными, а метитъ дальше, выступая изъ предѣловъ разсматриваемаго вопроса ¹⁾). Другая замѣтка написана отъ имени 20-ти учителей Иделеромъ послѣ предварительнаго обсужденія вопроса на особой конференціи. Въ этой замѣткѣ высказывается мнѣніе противоположное умствованіямъ предшествующаго автора. Все дѣло, говорится въ ней, состоитъ въ умѣнны учителя поставить себя. Въ этой замѣткѣ указывается между прочимъ, какія слова считаются въ нѣмецкихъ городахъ соблазнительными, и выражается удивленіе, что до сихъ поръ въ „индексъ запрещенныхъ словъ“ не попали у нѣмецкихъ пуристовъ «die Strümpfe» и т. под. ²⁾). Нужно прибавить еще, что Иделеръ касается также не однихъ изложеній учебниковъ, но и самыхъ библейскихъ выраженій о темныхъ сторонахъ человѣческой жизни. Но онъ совѣтуетъ удерживать и послѣднія, основываясь на томъ, что Библія не желаетъ учить насъ злу и рассказываетъ о темныхъ явленіяхъ такъ, что слова

¹⁾ Ib. p. 413—15.

²⁾ Ib. p. 416—18.

ея въ этомъ случаѣ острѣе меча. Таковы библейскія освѣщенія явленій нравственной распущенности.

Кромѣ этихъ явленій, къ темнымъ причисляются еще другія явленія человѣческаго зла, которыя также смущаютъ заграничныхъ составителей учебниковъ по св. исторіи. Въ числѣ этихъ учебниковъ есть такіе, въ которыхъ не упоминается исторія братоубійства ¹⁾. Динтеръ высказывается противъ внесенія въ св. исторію разказа о проклятіи Хама, о восхищеніи права первородства Іаковомъ ²⁾ и т. под. Вообще многіе изъ иностранныхъ дидактологовъ проходятъ молчаіемъ въ своихъ учебникахъ тѣ изъ библейскихъ разказовъ, въ которыхъ имъ видится изображеніе дѣйствительной, а иногда и мнимой несправедливости, жестокости, обмана, вѣроломства и т. под. Но противъ ихъ умалчиваній говоритъ уже одно то, что чрезъ устраненіе подобныхъ разказовъ совершается грѣхъ противъ исторической правды,—грѣхъ тѣмъ болѣе важный, что при этомъ выпускаются иногда событія, которыя имѣютъ несомнѣнное значеніе въ ходѣ исторіи и безъ знанія которыхъ выступаютъ на сцену недоразумѣнія (относительно, напримѣръ, причины рабскаго положенія хамитовъ) и неясности въ историческомъ познаніи (при незнаніи, наприм., о каннитахъ и сынахъ Божіихъ). Несправедливо вообще обходить событія, которыя даютъ правильное понятіе о людяхъ, челоѣчествѣ тогдашнихъ временъ. Выше мы имѣли случай говорить объ обязанности св. исторіи сохранить въ дѣтяхъ оптимизмъ,—вѣру въ людей. Но это требованіе не даетъ основанія для означенныхъ выпусковъ и исключеній изъ св. исторіи. Вѣра въ людей помрачается вовсе не въ томъ случаѣ, когда представляются факты, показывающіе способность людей дѣлать зло; а въ томъ, когда выставляется на видъ неспособность людей къ добруму правильному и сообразному съ понятіемъ о челоѣческомъ достоинствѣ и когда эта мысль проводится чрезъ всю исторію. Въ

¹⁾ Раур. P. Jahresbericht, XXIX, 111.

²⁾ Anweisung, I, 220.

последнемъ случаѣ, даже при выпускѣ всѣхъ библейскихъ повѣствованій о темныхъ сторонахъ человѣческой жизни, исторія все-таки произведетъ не возвышающее, а подавляющее впечатлѣнiе. Напротивъ, при умѣнн показатъ, что не смотря, на всѣ уклоненія людей отъ добраго, въ человѣкѣ есть и живетъ начало высокое, всѣ эти уклоненія будутъ усваиваться дѣтми какъ факты, какъ явленія, какъ отдѣльныя дѣянiя и не разрушатъ ихъ вѣры въ людей.

Мы указали въ настоящей статьѣ историческiя данныя и главнѣйшiе факторы, которые влiяютъ на современную постановку и обработку у иностранныхъ дидактологовъ св. исторiи, понимаемой въ смыслѣ школьной дисциплины или особаго предмета обученiя. Условiя и подробности *жизни ея преподаванiя*, свойственныхъ этому ея значенiю, мы здѣсь не излагаемъ, потому что размѣры журнальной статьи не позволяютъ намъ войти въ эту особую область ¹⁾.

С. С.

---

¹⁾ Эта статья представляетъ отрывокъ изъ сочиненiя, которое вѣроятно будетъ представлено авторомъ на соисканiе степени магистра богословiя.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки